

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Дом на берегу

PREMIUM

Азбука-бестселлер

Дафна дю Морье

Дом на берегу

«Азбука-Аттикус»

1968

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

дю Морье Д.

Дом на берегу / Д. дю Морье — «Азбука-Аттикус»,
1968 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-23055-2

Вниманию читателей предлагается роман одной из самых популярных английских писательниц Дафны дю Морье (1907–1989), автора прославленной «Ребекки», – «Дом на берегу» (1969). Это произведение сочетает в себе элементы реального и фантастического, повседневного и романтического, объяснимого и таинственного. Действие романа разворачивается в Корнуолле, юго-западной части Англии, одновременно в наши дни и в четырнадцатом веке, причем события и люди, разделенные шестью веками, оказываются странным образом связанными друг с другом. Эта увлекательная, динамичная, полная неожиданных «сюрпризов» книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23055-2

© дю Морье Д., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Глава первая	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	21
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	30
ГЛАВА ПЯТАЯ	37
ГЛАВА ШЕСТАЯ	43
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дафна Дюморье

Дом на берегу

Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1968

© Л. А. Бондаренко (наследники), перевод, 1993

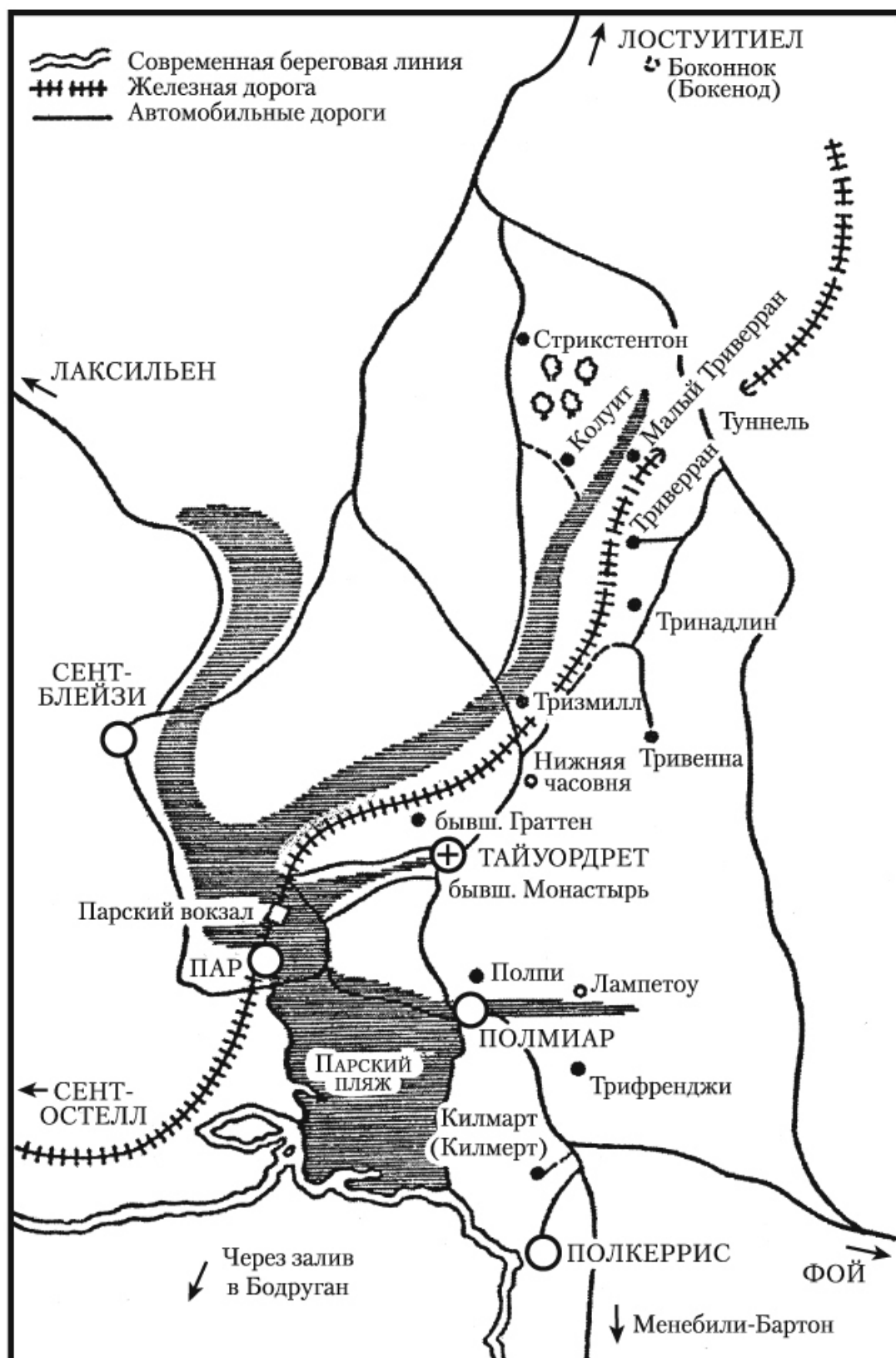
© Н. В. Зонина, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Часть Тайуордретского прихода. Во времена Роджера Килмерта заштрихованная на карте область находилась под водой.

Генеалогическое древо Шампернуов, Карминоу и Бодруганов. XIV в.

Глава первая

Первое, что бросилось мне в глаза, – это прозрачность воздуха, затем – ярко-зеленый цвет лугов. Никаких полутонов. Вершины отдаленных гор не сливались с небом. Своими резкими очертаниями они напоминали скалы и, казалось, находились совсем близко, так близко, что до них можно дотронуться рукой. Это ошеломило и удивило меня – нечто подобное, должно быть, испытывает ребенок, впервые посмотревший в подзорную трубу. Рядом со мной все обладало такой же контрастностью, выделялся каждый стебель, каждая травинка, произраставшая из более молодой и грубой почвы, чем та, которую знал я.

Я ожидал (если вообще чего-то ожидал) совсем иных метаморфоз: я полагал очутиться в мире умиротворения и благоденствия, в некоей материализации мечты, где все расплывчато и не имеет четких контуров. Я не был готов к такой контрастности, к такой пронзительной реальности. Ни во сне, ни наяву мне не приходилось видеть ничего подобного. Теперь все представлялось мне ярче и рельефнее, все мои ощущения, чувства – зрение, слух, обоняние – были как бы обострены.

Все, кроме осязания: я не ощущал земли под ногами. Магнус предупредил меня об этом. Он сказал: «Ты не будешь чувствовать соприкосновений с неодушевленными предметами. Ты будешь ходить, стоять, сидеть, касаться их, но не будешь ничего осязать. Пусть это тебя не беспокоит. Разве не чудо уже то, что ты можешь двигаться, ничего при этом не ощущая?»

Конечно, я воспринял это как шутку, как обыкновенную приманку с целью соблазнить меня согласиться на эксперимент. Теперь я убедился, что Магнус был прав. Я пошел вперед, ощущая невероятную легкость: мне не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы двигаться, – казалось, я парю, не касаясь земли.

Я спускался с холма по направлению к морю, проходя через поле, покрытое серебристой осокой, которая поблескивала на солнце: небо, серое еще минуту назад, когда я видел его обычным своим зрением, теперь стало безоблачным и ослепительно-голубым. Я вспомнил, что был отлив, обнаживший ровные песчаные полосы, и на этом золотом фоне резко выделялся ряд пляжных кабинок, напоминавших оскаленные зубы. Теперь они исчезли. Исчезли и дома, стоявшие вдоль дороги, пирсы, не видно было и поселка Пар с его трубами, крышами, зданиями, и городка Сент-Остелл, который, как спрут щупальцами, охватывал всю местность по ту сторону залива. Ничего этого не было. Были только трава и кустарник и вдалеке высокие горы, казавшиеся теперь такими близкими. А прямо подо мной море катило свои волны в залив, омывая пустой песчаный берег – словно до этого там пронеслось цунами, поглотившее без следа всю окрестность. На северо-западе скалы подступали к самому морю, которое, постепенно сужаясь, образовывало широкий рукав, и волны неслись вглубь его вдоль всего изгиба суши и исчезали вдали.

Когда я подошел к краю скалы и взглянул вниз, туда, где у подножия Полмиарского холма должна была проходить дорога и стоять гостиница, кафе, богадельня, то понял, что море и здесь поглотило сушу и образовало залив, который вытянулся на восток, врезавшись в долину. Дорога и дома исчезли, а вместо них сверкала водная гладь. В этом месте залив резко сужался, зажатый тонкими песчаными берегами, и было ясно, что при сильном отливе вся вода уходит, оставляя лишь болотистое русло, которое можно перейти вброд, если не пешему, то всаднику уж точно. Я спустился с холма и подошел к заливу, пытаюсь определить, в каком точно месте проходила знакомая мне дорога, но прежние ориентиры были утрачены: не осталось ничего, кроме земли, долины и холмов, что помогло бы восстановить картину местности.

Частые мелкие волны залива набегали на песчаные берега, оставляя на них хлопья густой пены. Надувались, росли и лопались пузыри, о берег бился неподвластный времени мусор, принесенный приливом, – целая бахрома из морских водорослей, перьев, прутьев, – как после

осеннего шторма. Я знал, что в моем времени сейчас самый разгар лета, хотя день был серый и хмурый, но здесь все вокруг меня говорило о приближающейся зиме. Было явно за полдень: яркое солнце уже склонялось на запад, готовилось вот-вот окрасить небо в темно-багряный цвет, как это бывает перед наступлением вечера.

В поле зрения попали первые живые существа: чайки, мечущиеся над волнами, небольшие болотные птицы, скользящие по поверхности воды, а на противоположном берегу, на горе, резко выделявшейся на фоне неба, медленно тащилась запряженная в плуг упряжка волов. Я закрыл и вновь открыл глаза. Упряжка скрылась за склоном. Но гвалт стаи потревоженных чаек убеждал меня, что все это действительность, а не сон.

Я глубоко вдохнул, и холодный воздух наполнил мои легкие. Просто дышать доставляло мне ни с чем не сравнимую радость, это было похоже на какое-то волшебство – ничего подобного я никогда ранее не испытывал. Осмыслить разумом, проанализировать то, что я видел, было невозможно: в этом новом мире чувственного восприятия я мог полагаться только на остроту собственных ощущений.

Должно быть, я простоял так очень долго, замороженный, готовый вечно парить между небом и землей, вдали от жизни, которую я знал или хотел узнать, но, повернув голову, я увидел, что не один. Пони, по-видимому, следовал моим же путем, через поле, и потому я не слышал топота копыт, но теперь, когда он ступил на гальку, звук от соприкосновения металла с камнем достиг моего слуха, и я почувствовал запах теплого животного, потного и сильного.

Я инстинктивно подался назад, поскольку всадник ехал прямо на меня, не подозревая о моем присутствии. Он приостановил пони у кромки воды и посмотрел в сторону моря, оценивая уровень прилива. Тут я впервые испытал не только возбуждение, но и страх, поскольку передо мной был не призрак, а живой, во плоти, человек – ноги в стремях, в руках поводья – в такой невероятной близости от меня, что мне стало не по себе. Я не боялся, что меня собьют; в смятение меня ввергла сама эта встреча, это соединение веков – его и моего. Он отвел взгляд от моря и посмотрел на меня в упор. Мне казалось, он видит меня, мне казалось, я отчетливо прочитал в его глубоко посаженных глазах знак приветствия. Он улыбнулся, потрепал пони по холке и, пришпорив его, направил вброд на другой берег.

Нет, он не видел меня, не мог он меня видеть, ведь он жил в другом времени. Тогда почему же он внезапно приподнялся в седле, обернулся и посмотрел прямо на меня? Это был призыв, властный и странный: «Следуй за мной, если не трусишь!» Я прикинул на глаз глубину брода и, хотя вода доходила пони до колен, бросился за ним, не думая о том, что могу промокнуть, – и только выйдя на противоположный берег, мимоходом отметил про себя: а ботинки-то совсем сухие!

Всадник поехал в гору, и я последовал за ним. Дорога была крутая и размытая; поднимаясь вверх, она резко поворачивала влево. Я с радостью заметил, что она в точности совпадает с той, по которой я ехал на машине только сегодня утром. Но на этом сходство заканчивалось: живой изгороди из кустарника, окаймлявшей дорогу в моем времени, здесь не было. Справа и слева лежали пахотные земли, ничем не защищенные от ветров; кое-где виднелись участки, поросшие низкорослым вереском и утесником. Мы поравнялись с упряжкой волов, и я наконец смог разглядеть самого пахаря: маленького роста, в каком-то балахоне с капюшоном, он всей тяжестью своего тела навалился на деревянный плуг. Пахарь поднял руку, приветствуя моего всадника, что-то прокричал и побрел за плугом дальше. Над его головой кружили и кричали чайки.

Этот обмен приветствиями был настолько естественным, что состояние шока, в котором я находился с того момента, когда впервые увидел всадника у брода, уступило место удивлению, а затем спокойствию. Я вспомнил свое первое путешествие, еще ребенком, во Францию: я ехал ночным поездом и утром, с нетерпением открыв в купе окно, смотрел, как мимо проносятся поля, деревни и города, склоненные фигурки людей, работавших в поле подобно этому

землепашцу, и по-детски удивлялся: «Интересно, они такие же живые, как я, или просто притворяются?»

Сейчас для моего удивления было куда больше оснований, чем тогда. Я смотрел на всадника, на его пони и двигался за ними на таком близком расстоянии, что мог дотронуться до них рукой, ощущал их запах. От них обоих шел такой сильный дух, как будто они вобрали в себя аромат самой жизни. Струйки пота, стекавшие по бокам животного, его косматая грива, следы пены на удилах, а еще сильное колено и обтянутая чулком нога, кожаная куртка поверх рубахи, мерное покачивание в седле, руки, держащие поводья, само лицо, обветренное, худое, обрамленное темными волосами, закрывавшими шею, – вот где была настоящая реальность, и чужеродным элементом был я сам.

Мне страстно захотелось протянуть руку и дотронуться до пони, но я вспомнил предупреждение Магнуса: «Если встретишь существо из прошлого, то, ради бога, не притрагивайся к нему. Неодушевленные предметы – пожалуйста, но, если ты попытаешься войти в контакт с живой материей, связь прервется и твой выход оттуда будет осложнен неприятными последствиями. Я это испытал и знаю, о чем говорю».

Дорога вела сначала через пахотные земли, затем резко пошла вниз. Совсем иной ландшафт открылся моему взору. Деревня Тайуордрет, которую я видел всего несколько часов назад, изменилась до неузнаваемости. Многочисленные дома, беспорядочно расположившиеся к северу и западу от церкви, исчезли. Теперь на этом месте находилось небольшое селение, своим примитивным видом напоминавшее игрушечную ферму, которую я, помню, строил на полу своей комнаты в детстве. Маленькие приземистые дома, крытые соломой, теснились вокруг большого общинного луга, по которому разгуливали свиньи, гуси, куры, два или три стреноженных пони и сновали вездесущие собаки. Над этими убогими жилищами поднимался дым, но он выходил не из труб, а из отверстий в крыше. Сразу за селением стояла церковь, и здесь уже красота и гармония вновь вступали в свои права. Но это была не та церковь, которую я видел несколько часов назад. Она была поменьше и без башни; вплотную к ней примыкало длинное невысокое каменное строение, и все это было окружено каменной стеной. За стеной тянулись огороды, сад, служебные постройки и небольшой лесок. А далее – спуск в долину, где виднелся глубоко врезавшийся в нее залив.

Я бы так стоял и смотрел не отрываясь: открывшийся передо мной вид завораживал своей неброской красотой, но мой проводник двинулся дальше, и неведомая сила вновь потянула меня за ним. Дорога спускалась к лугу, и вскоре я оказался в гуще деревенской жизни: у колодца стояли женщины, юбки у них были подоткнуты, головы покрыты платками, повязанными так, что на лице нельзя было разглядеть ничего, кроме глаз и носа. Появление моего всадника вызвало оживление. Залаяли собаки, из домов, при ближайшем рассмотрении оказавшихся просто лачугами, вышли еще женщины, луг заполнился голосами. Несмотря на непривычный перека́т взрывных согласных, в их речи безошибочно можно было распознать картавость корнуоллского диалекта.

Всадник свернул влево, спешил перед церковной стеной, накинуд поводья на вкопанный в землю крюк и вошел в широкие, обитые медью ворота. Над аркой ворот выделялась деревянная фигура святого, облаченного в рясу и держащего в правой руке крест святого Андрея. Мое католическое воспитание, давно забытое и не раз мной осмеянное, заставило меня невольно перекреститься перед входом, и в тот же момент во дворе зазвонил колокол, так всколыхнувший глубины моей памяти, что я даже остановился, не решаясь войти, в страхе, что та, старая, сила опять, как в детстве, обретет надо мной власть.

Но я напрасно беспокоился. Сцена, которая предстала моим глазам, не имела ничего общего с правильными дорожками и газонами в тихих монастырских обителях, ореолом святости, тишиной, порожденной молитвами. За воротами оказался грязный двор, по которому какие-то два человека гонялись за испуганным мальчишкой, хлестая его цепями по обнажен-

ным бедрам. Оба, судя по одежде и выбритым макушкам, были монахами, а мальчишка – послушником. Полы его рясы были заткнуты за пояс, что, по-видимому, делало забаву более пикантной.

Всадник неподвижно наблюдал за этим действием, но, когда мальчик наконец упал и ряса, задравшись до самой головы, обнажила все его худое тело, голую спину, он крикнул:

– Еще не время выпускать из него кровь! Приор¹ предпочитает молочных поросят без соуса. Приправы подают только тогда, когда поросенок становится жестким.

Тем временем колокол продолжал звонить к молитве, не оказывая никакого воздействия на шутников во дворе.

Сорвав аплодисменты за свою остроту, мой всадник пересек двор и вошел в здание напротив, очутившись в коридоре, который, судя по запаху протухшей птицы, слегка облагороженному запахом дыма из очага, отделял кухню от трапезной. Игнорируя тепло и ароматы кухни справа, а также прохладу трапезной с голыми скамьями слева, он толкнул центральную дверь и поднялся по лестнице на другой этаж, где оказался перед еще одной дверью. Он постучал в нее и, не дождавшись ответа, вошел.

В комнате с деревянным потолком и оштукатуренными стенами чувствовалось некое подобие комфорта – ничего общего с высобыленным и вылизанным аскетизмом, с которым всегда были связаны мои детские воспоминания. На устланном камышом полу валялись обглоданные собаками кости. Кровать с засаленным балдахином, стоявшая в дальнем углу, служила, по-видимому, складом всякого хлама: на ней валялись баранья шкура, пара сандалий, головка сыра на жестяной тарелке, удочка, и посреди всего этого вороха возлежала борзая, занятая поиском блох.

– Приветствую вас, святой отец, – сказал мой проводник.

Нечто приподнялось на кровати, потревожив борзую, которая спрыгнула на пол. Это был престарелый, розовощекий монах, еще не пришедший в себя ото сна.

– Я распорядился меня не беспокоить, – сказал он.

Мой проводник пожал плечами.

– Даже для молитвы? – спросил он и потрепал собаку, которая жалась к нему, виляя обрубком хвоста.

Его сарказм остался без внимания. Приор, поджав под себя ноги, еще плотнее укрылся одеялом.

– Мне нужен отдых, – сказал он, – хороший отдых, чтобы быть в форме для приема епископа. Слыхал новости?

– Сплетен всегда полно, – ответил проводник.

– Это не сплетни. Сэр Джон прислал вчера письмо. Епископ уже выехал из Эксетера и в понедельник, после посещения Лонстона, будет здесь. Он рассчитывает найти у нас радушный прием и ночлег.

Проводник улыбнулся:

– Епископ знает, когда и к кому ехать. Мартынов день: на ужин – только что заколотый поросенок. Вам нечего волноваться – он отойдет ко сну с набитым брюхом.

– Нечего волноваться? – В раздраженном голосе приора послышались визгливые нотки. – Думаешь, легко сладить с этим неуправляемым сбродом? Хорошее впечатление они произведут на епископа! Он ведь что новая метла – намерен очистить от скверны всю епархию.

– Они будут кроткими, как ягнята, если вы пообещаете им награду за пристойное поведение. Главное – не потерять благосклонность сэра Джона Карминоу, остальное не важно.

Приор беспокойно заерзал под одеялом.

¹ Настоятель в католических мужских монастырях.

– Сэра Джона не так легко провести, он себе на уме и умеет угодить и вашим и нашим. Он, может, и наш покровитель, но только станет ли он заступаться за меня, если ему это невыгодно?

Проводник поднял с пола кость и протянул собаке.

– В нынешней ситуации сэра Генри как хозяин земель будет иметь больший вес, чем сэра Джон, – сказал он. – Этот кающийся грешник не оставит тебя. Ручаюсь, он сейчас стоит коленинопреклоненный в часовне.

Приору не очень-то понравились эти слова.

– Как его управляющему, тебе не мешало бы выказывать ему больше почтения, – заметил он, а затем добавил задумчиво: – Генри де Шампернун гораздо благочестивее меня.

Мой проводник рассмеялся:

– Душа страдает, да плоть не позволяет, святой отец? – Он потрепал борзую за ухом. – Лучше не вспоминать о плоти перед приездом епископа. – Он выпрямился и подошел к постели. – Французский корабль стоит на рейде у Килмарта. Он пробудет там еще в течение двух приливов, и, если вам угодно, я могу отвезти туда письмо.

Приор сбросил одеяло и с трудом слез с кровати.

– Пресвятой Антоний, что же ты раньше не сказал?! – вскричал он и начал рыться в грудех бумаги, лежавших на скамье у кровати.

Он являл собой довольно жалкое зрелище в своей рубашке, из-под которой торчали тощие ноги с выступающими венами и огромными, невероятно грязными ступнями.

– Я ничего не могу найти в этой свалке, – пожаловался он. – Почему мои бумаги вечно в таком беспорядке? Почему, когда мне нужен брат Жан, его никогда нет на месте?

Он схватил со скамьи колокольчик и позвонил, недовольно бурча что-то в адрес моего проводника, который громко смеялся. Почти в тот же миг вошел монах: судя по всему, он подслушивал под дверью. Он был молод, темноволос, с удивительными лучистыми глазами.

– Чем могу служить, святой отец? – спросил он по-французски и, прежде чем подойти к приору, обменялся взглядом с моим проводником.

– Ну быстрее же, пошевеливайся, – раздраженно сказал приор, вновь отворачиваясь к скамье.

Проходя мимо проводника, монах шепнул ему на ухо:

– Я принесу письма сегодня вечером и преподам тебе урок того искусства, которым ты пытаешься овладеть.

Проводник насмешливо поклонился в знак признательности и направился к двери:

– До свидания, святой отец. Не стоит из-за епископа терять сон.

– До свидания, Роджер, до свидания. С Богом.

Когда мы вместе выходили из комнаты, проводник презрительно поморщил нос. К затхлomu запаху душевной комнаты приора теперь примешивался тонкий аромат духов, исходивший от рясы французского монаха.

Мы спустились по лестнице. Но прежде чем свернуть в коридор, проводник на минуту остановился, затем приоткрыл какую-то дверь и заглянул внутрь. Это был вход в часовню; монахи, развлекавшиеся с послушником, теперь молились, – точнее, делали вид, что молятся. Их глаза были опущены долу, губы шевелились. Там были еще четверо, которых я не видел во дворе, двое из них крепко спали на своих скамьях. Послушник же, съездившись, стоял на коленях и тихо, горько плакал. Единственный, в ком чувствовалось достоинство, был мужчина средних лет, облаченный в длинную мантию, с седыми кудрями, обрамлявшими его приятное, благородное лицо. Набожно сложив руки, он молился, устремив взор к алтарю. Это, подумал я, наверное, и есть сэра Генри де Шампернун, владелец земель и хозяин моего проводника, о благочестии которого говорил приор.

Проводник прикрыл дверь и, пройдя по коридору, вышел наружу, пересек опустевший уже к тому моменту двор и направился к воротам. На лугу тоже никого не было: женщины

ушли от колодца. На небе появились тучи, день клонился к вечеру. Проводник оседлал пони и повернул к дороге, идущей через пахотные земли на холме.

Я не имел понятия о времени – ни о его, ни о моем. У меня по-прежнему отсутствовало чувство осязания, и я без всяких усилий поспевал за ним. Мы спустились по дороге к броду: был сильный отлив, и на этот раз вода не доходила даже до колен животного. Перейдя брод, мы двинулись вверх через поля.

Когда мы поднялись к вершине холма, поля приобрели знакомые мне очертания, и я, к своему восторгу и удивлению, понял, что он ведет меня домой, в Килмарт. Дом, в котором Магнус предложил мне пожить летом, находился за небольшим лесом, куда мы и направлялись. Неподалеку паслись шесть или семь пони, и при виде всадника один из них поднял морду и негромко заржал, затем они все вместе подхватились и, взбрыкнув, поскакали прочь. Он проехал через опушку, дорога пошла вниз, и тотчас в низине стал виден крытый соломой каменный дом, стоявший посередине чудовищно грязного двора. Часть дома занимали свинарник и коровник, через отверстие в крыше вился голубой дымок. Единственное, что я узнал, так это лощину, в которой стоял дом.

Мой всадник въехал во двор, спешил и что-то крикнул. Из коровника вышел мальчик и принял от него пони. Он был гораздо моложе и стройнее моего проводника, но глаза у обоих были похожи и так же глубоко посажены – я догадался, что они братья. Он увел пони, а проводник прошел через открытую дверь в дом, в котором была, как показалось на первый взгляд, всего одна комната. Я следовал за ним по пятам, но из-за дыма ничего толком не мог разглядеть, понял только, что стены дома были сложены из глины, смешанной с соломой, а полом служила голая земля, даже без камышового покрытия.

Лестница в дальнем углу вела на чердак, находившийся на высоте всего нескольких футов, и, подняв голову, я увидел соломенные тюфяки, положенные на дощатый настил. В углублении, сделанном в стене, был очаг: над огнем (топливом служили торф и утесник) на двух металлических прутьях, закрепленных в земляном полу, висел чугунок. Перед очагом на коленях стояла девочка с длинными, ниже плеч, распущенными волосами. В ответ на приветствие она подняла голову и улыбнулась.

Я стоял совсем рядом, за его спиной. Внезапно он обернулся и посмотрел прямо на меня. Он был так близко, что я чувствовал на лице его дыхание. Я инстинктивно вытянул руку, чтобы он не наткнулся на меня. Внезапно я почувствовал резкую боль в руке и увидел, что костяшки пальцев все в крови. В тот же момент я услышал звон разбитого стекла. И тут же все исчезло – и он, и девочка, и чадающий очаг, а я, въехав правой рукой в низкое окно старой кухни в полуподвале моего килмартского дома, стоял в знакомом дворе.

Шатаясь, я вошел в открытую дверь котельной. Мне было очень плохо, но не от вида крови, а потому, что меня страшно рвало, просто выворачивало наизнанку. Сотрясаясь всем телом, я оперся рукой о каменную стену котельной. Из пораненных пальцев к запястью стекала струйка крови.

Наверху, в библиотеке, зазвонил телефон – громко, настойчиво, словно призыв из забытого, ненужного мира. Я к нему не пошел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошло, наверное, минут десять, не меньше, прежде чем рвота прекратилась. Я присел на груды дров в котельной и стал ждать, когда мне будет лучше. Самым неприятным было головокружение – я не решался встать. Порез на руке был небольшой, и вскоре с помощью носового платка мне удалось остановить кровь. С того места, где я сидел, мне были видны разбитое окно и осколки стекла на земле. Возможно, позже удастся восстановить всю картину, определить, где именно стоял мой проводник, вычислить, какую площадь занимал исчезнувший дом, он ведь располагался на месте нынешнего внутреннего дворика и части дома. Но это потом. Сейчас у меня не было на это никаких сил.

Интересно, видел ли меня кто-нибудь, когда я брел через поля, пересекал дорогу у подножия горы, взбирался по тропе к Тайуордрету. Хорошенькое зрелище, наверное! В том, что я там был, – никаких сомнений. Грязные ботинки, разодранная штанина, влажная от пота рубашка – все это говорило не о развлекательной прогулке к скалам.

Наконец, когда тошнота и головокружение прошли, я осторожно поднялся по черной лестнице в холл, прошел в закуток, где Магнус держал всякий хлам – дождевик, сапоги и прочее, – и взглянул на себя в зеркало, висевшее над раковиной. Вид у меня был более или менее нормальный – слегка побледнел, и только. Срочно нужно было чего-нибудь выпить, и покрепче. Но тут я вспомнил, как Магнус говорил: «Никакого спиртного как минимум в течение трех часов после принятия препарата. Потом немножко можно». Чай, конечно, не то, но вдруг все-таки поможет, и я прошел на кухню – поставить чайник.

Когда Магнус был ребенком, здесь находилась столовая – он переделал ее совсем недавно. Ожидая, пока закипит чайник, я выглянул в окно и посмотрел вниз, во двор. Он был вымощен камнем и со всех сторон окружен старой замшелой стеной. Как-то в порыве энтузиазма Магнус попытался переделать его в уютный патио (так он его называл), где, если вдруг случится невыносимая жара, он мог бы разгуливать нагишом. Его мать, как он мне объяснял, никогда не занималась благоустройством этого дворика, потому что в него выходили только окна бывшей кухни.

Теперь я смотрел на этот двор совсем другими глазами. Невозможно представить все то, что я только что здесь видел: грязный двор с коровником, дорога, ведущая к лесу на склоне холма. И я сам, бредущий вслед за всадником через лес. Может, это все были лишь галлюцинации, вызванные чертовым препаратом? Когда я с чашкой чая в руке проходил через библиотеку, снова зазвонил телефон. Я подумал, что это, скорее всего, Магнус, и не ошибся. Его голос, как всегда четкий и уверенный, привел меня в чувство быстрее, чем любое спиртное, которое мне все равно в данный момент возбуждалось пить, или тот же чай. Я уселся на стул и приготовился к долгому разговору.

– Я тебе звонил много раз, – сказал он. – Ты забыл, что обещал сам позвонить в половине четвертого?

– Не забыл, – ответил я. – Просто я был занят кое-чем.

– Догадываюсь чем. Ну как?

Я наслаждался этой минутой. Мне хотелось немного помучить его неизвестностью. Сама мысль об этом наполняла меня приятным ощущением власти. Но я понимал, что это ребячество и что я должен все ему рассказать.

– Сработало, – сказал я. – Стопроцентный успех.

По молчанию на другом конце провода я понял, что для него это полная неожиданность. Он был уверен в неудаче. Когда наконец я вновь услышал его голос, он звучал так тихо, как будто Магнус разговаривал сам с собой.

– Не могу в это поверить, – сказал он. – Просто потрясающе... – Но, как всегда быстро овладев собой, продолжал: – Ты сделал все точно по инструкции, как я тебе велел? Рассказывай все по порядку... Подожди, а ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, – сказал я. – Вроде бы да. Хотя чертовски устал, порезал руку, и меня сильно тошнило.

– Пустяки, дружище, сушие пустяки. Это быстро проходит. Продолжай.

Его нетерпение передалось мне, и я пожалел, что он сейчас не здесь, рядом со мной, в этой комнате, а за триста миль отсюда.

– Прежде всего, – начал я, очень довольный собой, – никогда не видел ничего более ужасного, чем твоя, с позволения сказать, лаборатория. Какой-то чулан Синеи Бороды, ей-богу! Все эти зародыши в банках, а эта отвратительная обезьянья голова...

– Замечательные экземпляры, и очень ценные, – прервал он. – Не отвлекайся. Я знаю, для чего они мне, а ты – нет. Рассказывай, что произошло.

Я отхлебнул глоток остывшего чая и поставил чашку.

– Я взял ключ, открыл буфет и нашел там пузырьки, – начал я. – На каждом помечено: А, В, С, все как положено. Я отлил ровно три деления из бутылки А в мензурку. Все точно. Затем проглотил содержимое, поставил пузырек и мензурку на место, закрыл буфет, лабораторию и начал ждать, что же будет дальше. Ничего.

Я сделал паузу, чтобы информация как следует дошла до него. Магнус молчал.

– Так вот, – продолжал я, – я вышел в сад. По-прежнему ничего. Ты мне говорил, что время начала действия препарата колеблется от трех-пяти до десяти минут. Я ожидал приступа сонливости, хотя ты вроде об этом не упоминал. Но поскольку вообще ничего не происходило, я решил прогуляться. Перелез через стену возле беседки и по полю направился к скалам.

– Идиот, – сказал он. – Я же велел тебе оставаться в доме, по крайней мере во время первого эксперимента.

– Да, помню. Но, честно говоря, я не ожидал, что препарат подействует. Я решил так: если что-нибудь почувствую, тогда сяду где-нибудь и отдамся во власть прекрасного сна.

– Полный идиот, – повторил он. – Это происходит совсем не так.

– Теперь я и сам знаю.

Затем я описал все, что со мной произошло с того момента, как препарат начал действовать, до того, как я разбил стекло в кухне. Он ни разу меня не прервал, только изредка, когда я замолкал, чтобы перевести дух и сделать глоток чая, он бормотал: «Дальше... дальше».

Когда я закончил, рассказав, как меня выворачивало в котельной, наступило гробовое молчание. Я уже было подумал, что нас разъединили.

– Магнус, ты слышишь меня? – спросил я.

Его голос, отчетливый и громкий, вновь зазвучал в трубке. Он повторил то, что уже сказал в самом начале нашего разговора:

– Потрясающе, просто потрясающе.

Возможно... Честно говоря, я был слишком измучен и разбит после своего рассказа – словно заново проделал все путешествие.

Он заговорил очень быстро, и я живо представил, как он сидит за своим письменным столом в Лондоне и одной рукой держит телефонную трубку, а другой, по обыкновению, тянется за карандашом и за своим неизменным блокнотом.

– Ты хоть понимаешь, – сказал он, – что это самое великое открытие после того, как химики получили теонанакатл и олиликвий? Их препараты заставляли мозг работать в разных направлениях, довольно беспорядочно. Мой же действует целенаправленно и вполне определенным образом. Я чувствовал, что нащупал что-то абсолютно новое, но поскольку я испытывал препарат только на себе, то не был уверен, что это не какая-нибудь разновидность галлюциногенов. Если бы это было так, мы оба должны были бы испытывать одинаковое физическое

воздействие: потерю осязания, усиление зрительного восприятия и так далее, но при этом никоим образом не оказались бы в одном и том же временном измерении. И это чрезвычайно важно. Просто невероятно.

– Ты хочешь сказать, – заметил я, – что, когда ты испытывал препарат на себе, ты тоже переносился назад во времени? Значит, ты видел то же самое, что и я?

– Вот именно. Для меня это было такой же неожиданностью, как и для тебя. Хотя нет, не совсем – опыт, который я тогда ставил, позволял предположить нечто в этом роде. Это связано с ДНК, энзимным катализатором, молекулярным равновесием и тому подобным – тебе, дружище, этого все равно не понять. Я не собираюсь вдаваться в подробности, но меня сейчас действительно поразил тот факт, что мы с тобой попали в один и тот же период времени. Судя по их одежде, тринадцатый или четырнадцатый век, так? Я тоже видел того парня, твоего всадника, Роджера, – кажется, так его назвал приор? – и замарашку у очага, и кого-то еще... Ах да, монаха, – сразу вспоминаешь, что в Средние века в Тайуордрете был монастырь. Вопрос вот в чем: вызывает ли препарат определенные изменения в химическом составе участков памяти головного мозга, отбрасывая память назад, к некоей существовавшей в прошлом термодинамической ситуации, – и при этом в других отсеках мозга воспроизводятся некогда испытанные ощущения. Если это так, почему возникающая комбинация молекул выбирает из прошлого один момент, а не другой? Почему не вчера, не пять лет назад, не сто двадцать? Возможно – и это, пожалуй, самое захватывающее, – что под влиянием препарата возникает какая-то мощная связь между тем, кто принимает препарат, и тем, кто в виде самого первого образа запечатлен в его мозгу. Мы оба видели всадника. Желание следовать за ним было непреодолимым – и ты, и я это испытали. Пока не могу только еще понять, почему ему выпала роль Вергилия, если принять, что мы с тобой выступали в роли Данте в путешествии по этому своеобразному аду. Но именно он всегда в этой роли. Я совершил несколько таких «путешествий», пользуясь терминологией наших студентов, и он всегда вел меня за собой. Не сомневаюсь, ты увидишь его и в следующий раз. Он – бессменный проводник.

Я несколько не удивился, услышав, что и дальше должен выполнять роль подопытного кролика. Это было вполне в духе нашей многолетней дружбы: и когда мы вместе учились в Кембридже, и после его окончания. Магнус заказывал музыку, а я под нее плясал. Боже мой, сколько сомнительных авантур на нашем счету – в студенческие годы, особенно на старших курсах, да и позже, когда наши пути разошлись: он занялся биофизикой, стал профессором Лондонского университета, а я погряз в рутине издательских дел. Первая трещина в наших отношениях наметилась три года назад, когда Вита стала моей женой. Возможно, это было и к лучшему для нас обоих. Поэтому предложение воспользоваться на время летнего отдыха его домом явилось для меня полной неожиданностью. Я принял его с благодарностью, поскольку в данный период не работал и мне нужно было спокойно обдумать одно предложение: Вита настаивала, чтобы я согласился на пост директора в преуспевающем нью-йоркском издательстве ее брата. Теперь же я начинал понимать, что широкий жест Магнуса был не таким уж бескорыстным. Он купил меня возможностью хорошо отдохнуть, соблазнив тишиной сада, прогулками под парусом по заливу, но мне стало ясно, что за отдых меня ожидал.

– Послушай, Магнус, – сказал я. – Сегодня я пошел на это потому, что мне, во-первых, самому было любопытно, а во-вторых, я был пока один. Так что не имело большого значения, подействует препарат или нет. Но ни о каком продолжении не может быть и речи. Когда приедет Вита с детьми, я буду связан по рукам и ногам.

– Когда они приезжают?

– У мальчиков каникулы в школе начинаются через неделю. Вита прилетит за ними из Нью-Йорка, а затем сразу привезет их сюда.

– Отлично. За неделю можно много успеть. Сейчас мне пора идти. Позвоню тебе завтра в это же время. До свидания.

Он повесил трубку. Я же остался сидеть с трубкой в руке, в голове крутились сотни вопросов, которые я не успел задать. Так ни о чем толком и не договорились. Черт бы побрал эту манеру Магнуса. Он даже не сказал, какие могут быть отрицательные последствия этого зелья – смеси синтетического грибка и клеток головного мозга обезьяны, всей этой мерзости, которую он хранит в своих пузырьках. А вдруг у меня опять начнется рвота или головокружение. Или я неожиданно ослепну, или сойду с ума, а может быть, и то и другое. Пошел-ка он к черту со своим дурацким экспериментом...

Я решил, что надо подняться и принять ванну. Наверняка мне станет легче, когда я сброшу с себя потную рубашку, рваные брюки, вообще все, и полежу в теплой воде с каким-нибудь приятным шампунем. Надо заметить, что Магнус отличался весьма изысканным вкусом. Вита, несомненно, оценит спальню, которую он нам предоставил, – между прочим, свою собственную спальню, с ванной, гардеробной и потрясающим видом на залив.

Я залез в ванну, наполненную до краев, и стал вспоминать наш последний разговор в Лондоне, когда он предложил мне участвовать в этом сомнительном опыте. Сначала он просто сказал, что если я хочу куда-нибудь поехать с мальчиками на время школьных каникул, то его дом в Килмарте в моем полном распоряжении. Я позвонил Вите в Нью-Йорк, уговаривая ее принять это предложение. Вита отнеслась к такой затее без особого восторга. Как и многие американки, она тепличное растение и предпочитает отдых под средиземноморским солнцем – и обязательно чтоб казино было под боком. У нее было немало аргументов против: в Корнуолле постоянно льет дождь, и кто знает, тепло ли в доме; и как и где мы будем питаться. Я успокоил ее по всем пунктам и даже пообещал, что по хозяйству ей будет помогать женщина из соседней деревни, которая приходит по утрам убирать дом. Наконец мне удалось ее убедить. Главным доводом в пользу положительного решения, как я думаю, оказались посудомоечная машина и огромный холодильник, о которых я упомянул, описывая новую кухню. Когда я рассказал обо всем Магнусу, он чрезвычайно веселился.

– Женаты каких-то три года, – сказал он, – а посудомоечная машина значит для вашей супружеской жизни больше, чем двуспальная кровать, которую я по широте душевной вам предоставляю. Ой, боюсь, недолго она протянет, я имею в виду, конечно, вашу супружескую жизнь, а не свою кровать.

Я коснулся весьма щекотливой темы – моего брака, который после первых восторженных и страстных двенадцати месяцев вошел в стадию некоторого кризиса. Но трудности возникли главным образом из-за того, что Вита желала, чтобы я переехал в Штаты, мне же не хотелось уезжать из Англии. В общем-то, Магнуса мало трогали и мой брак, и моя будущая работа, и он перевел разговор на свой дом – как он его перестроил после смерти родителей. Когда мы учились в Кембридже, я несколько раз бывал там, и вот теперь он рассказывал, что переделал старую прачечную в полуподвальном помещении в лабораторию – так, для собственного удовольствия, – чтобы иметь возможность на досуге заниматься экспериментами, которые никак не связаны с его основной работой в Лондоне.

К последней нашей встрече он хорошо подготовился, приправив все прекрасным ужином. Я, как всегда, уже был полностью под властью его обаяния, когда он неожиданно сказал:

– Кажется, одна часть моих исследований завершилась успехом: я получил путем соединения растительного и химического элементов наркотический препарат, который оказывает совершенно необычное воздействие на мозг.

Магнус сказал это как бы между прочим – он всегда так делал, когда говорил о чем-то для него важном.

– Я думал, что все так называемые сильные наркотики оказывают подобное воздействие, – сказал я. – Те, кто принимает, например, такие наркотики, как мескалин, ЛСД и тому подобное, переносятся в некий фантастический мир, где растут экзотические цветы, и им представляется, что они в раю.

Он подлил мне коньяку.

– В том мире, куда попал я, не было ничего фантастического, – сказал он. – Это был самый реальный мир.

Мне стало любопытно. При его эгоцентризме мир вне его должен был обладать чем-то необыкновенным, чтобы привлечь его внимание.

– И что же это за мир? – спросил я.

– Мир прошлого, – ответил он.

Помню, что при этих словах я рассмеялся и поднял рюмку с коньяком:

– Ты имеешь в виду свои прошлые грехи? Проступки беспутной юности?

– Нет-нет. – Он с досадой покачал головой. – Ко мне лично это не имело никакого отношения. Я был только наблюдателем. Дело в том... – Он замолчал и пожал плечами. – Нет, я не буду рассказывать, что я там видел, а то испорчу тебе весь эксперимент.

– Испортишь эксперимент? Мне?

– Да, я хочу, чтобы и ты испытал этот препарат. Мне нужно проверить, окажет ли он на тебя такое же воздействие.

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал я ему. – Мы уже не в Кембридже. Двадцать лет назад я, возможно, и проглотил бы какое-нибудь твоё зелье с риском для жизни. Но теперь – ни за что.

– Никто не просит тебя рисковать жизнью, – сказал он нетерпеливо. – Все, что нужно, – это чтобы ты потратил минут двадцать, ну от силы час, когда тебе абсолютно нечего будет делать, и, пока не приехала Вита с детьми, испытал бы препарат. Имей в виду, что, возможно, он совершит полный переворот в нашем представлении о времени.

Вне всякого сомнения, он говорил совершенно серьезно. Передо мной сидел не тот легкомысленный Магнус, которого я знал в Кембридже, а профессор биофизики, известный специалист в своей области. И хотя я плохо понимал, чем же он занимается, мне было совершенно ясно: если Магнус говорит, что создал какой-то удивительный препарат, пусть даже он заблуждается относительно его научной ценности, значит он искренне в это верит.

– Но почему я? Почему не испытать его на ком-нибудь из твоих учеников в Лондонском университете, в лабораторных условиях?

– Потому что еще не время, – сказал Магнус, – я не собираюсь пока никому об этом рассказывать, даже своим ученикам, если тебе так нравится их называть. Ты единственный, кому известно, что я веду поиск в этом направлении, хотя он никак не связан с моей основной работой. Препарат был получен случайно, и мне еще многое надо выяснить, прежде чем я буду хоть как-то уверен, что у него есть перспективы. Я планирую серьезно этим заняться в сентябре в Килмарте. А пока – ты же будешь какое-то время один в доме – мог бы хоть раз испытать его и рассказать мне о своих впечатлениях. Возможно, я ошибаюсь. И препарат вовсе на тебя не подействует, разве только конечности ненадолго онемеют да мозги начнут соображать быстрее.

Как и следовало ожидать, после очередной рюмки коньяка он в конце концов меня уговорил. Он подробно описал свою лабораторию, дал ключи от двери и буфета, где хранился препарат, и объяснил, что его действие может быть внезапным, то есть переход из одного состояния в другое совершится мгновенно, без промежуточной стадии. Еще что-то о последствиях, о возможной тошноте. Но когда я спросил, что же я могу там увидеть, он отказался что-либо говорить.

– Нет, – сказал он, – ты можешь бессознательно настроиться на те же сцены, что видел я. А мне нужно, чтобы ты пошел на этот эксперимент без всякой подготовки и предвзятости.

Через несколько дней я уже покинул Лондон и прибыл в Корнуолл. Дом был полностью готов к моему приезду, Магнус договорился предварительно с миссис Коллинз из Полкерриса, небольшой деревушки неподалеку от Килмарта: комнаты были проветрены, в вазах стояли цветы, в холодильнике – необходимый запас продуктов, в музыкальном салоне и библиотеке

топились камины, хотя была середина июля. Пожалуй, даже Вита не смогла бы все устроить лучше. Первые несколько дней я наслаждался покоем и комфортом, чего, насколько я помню, этому дому не хватало в те времена, когда его хозяевами были очаровательные и несколько эксцентричные родители Магнуса. Его отец, капитан Лейн, морской офицер в отставке, обожал ходить под парусом на яхте водоизмещением десять тонн, на которой мы с Магнусом неизменно страдали приступами морской болезни. Мать, рассеянная и взбалмошная – очаровательное создание, – в любую погоду на улице и дома ходила в огромной широкополой шляпе. Ее всегда можно было видеть за одним и тем же занятием – она срезала увядшие головки роз, которые выращивала с подлинной страстью, но почему-то без всякого успеха. Я посмеивался над ними и очень их любил. А когда они оба умерли с разницей в двенадцать месяцев, я, мне кажется, даже больше переживал, чем Магнус.

Как давно это было. Теперь дом выглядел совсем иначе: изрядно перестроен и отделан в современном стиле. Однако и сейчас в нем чудилось их незримое присутствие: по крайней мере первые несколько дней это ощущение меня не покидало. Сегодня, после эксперимента, в моем восприятии что-то изменилось. Если бы в те далекие времена я почаще заглядывал в подвальное помещение, я бы, вероятно, почувствовал, что дом хранит память и о чем-то ином.

Я вылез из ванны, вытерся, надел чистое белье, закурил сигарету и спустился в музыкальный салон (так принято было здесь называть гостиную), потому что родители Магнуса любили музицировать и петь дуэты. Мне не давал покоя один вопрос: можно ли уже наконец выпить, это было бы сейчас очень кстати. Но, рассудив, что лучше перестраховаться, чем потом кусать локти, я решил обождать еще час.

Я включил проигрыватель и наугад взял из кипы пластинок одну сверху – Бранденбургский концерт № 3 Баха – в надежде, что это поможет мне восстановить душевное равновесие и вернуть самообладание. Однако Магнус, должно быть, перепутал все пластинки и конверты, когда приезжал сюда в последний раз, поскольку, когда я наконец устроился поудобней на диване у камина, на меня хлынули не размеренные аккорды Баха, а беспокойный, тревожный рокот «Моря» Дебюсси. Наверное, Магнус слушал эту запись, когда приезжал на пасхальные каникулы. Странно. Я всегда считал, что он не любит романтиков. Вероятно, я ошибался, хотя, кто знает, за эти годы его вкусы могли измениться. А может быть, его проникновение в неизведанный мир пробудило в нем тягу к музыке, завораживающей мистическими звуками, таинственными заклинаниями морского прибоя? Видел ли Магнус, подобно мне сегодня, морской рукав, глубоко врезавшийся в сушу? Видел ли он зеленые луга, такие сочные и яркие, голубой залив, наступающий на долину, каменные стены монастыря, расположившегося у холма? Как знать! Он ничего мне не сказал. Столько всего не удалось выяснить во время этого дурацкого телефонного разговора! Сколько всего недоговорено!

Я дослушал пластинку до конца, но она не успокоила меня, скорее наоборот. Теперь, когда музыка стихла, дом казался странно безмолвным. Рокот приливов и отливов «Моря» все еще звучал у меня в голове. Я прошел через холл в библиотеку, посмотрел в окно на море. Оно было синевато-серое, только кое-где западный ветер гнал рябь, темными пятнами выделявшуюся на поверхности, хотя в целом море было спокойным, почти без волн. Совсем не такое, как то бурное синее море, которое открылось моему взору сегодня днем в том, ином мире.

В килмартском доме две лестницы, по которым можно спуститься в полуподвальное помещение. Первая, из холла, ведет прямо в подвал и котельную, откуда можно выйти на задний дворик, в патио. Чтобы попасть на вторую, нужно пройти через кухню и уже оттуда спуститься к черному ходу, который вел в старую кухню, подсобку, кладовку и прачечную. Именно эту прачечную Магнус и превратил в лабораторию.

Я спустился по второй лестнице, повернул в дверях ключ и снова оказался в лаборатории. Она ничем не напоминала клиническую лабораторию. На выложенном каменными плитами полу, под небольшим зарешеченным окном, еще стояла старая мойка. Рядом находился

открытый очаг и глиняная печь, вделанная прямо в толщину стены, где в старые времена пекли хлеб. В затянутом паутиной потолке торчали ржавые крюки, на которых когда-то, должно быть, подвешивали засоленное мясо, окорока.

Магнус держал свои странные экспонаты на полках, сколоченных из реек и прибитых вдоль стен. Были среди них и скелеты, но в основном в химическом растворе хранились экспонаты в натуральном виде, только потерявшие со временем свою окраску. Было непросто определить, что это за существа. Насколько я мог разобрать, там вроде бы были эмбрионы кошки, а может, крысы. Мне удалось распознать только два экспоната – обезьяньи головы. Одна, с гладким черепом, в прекрасном состоянии, походила на лысую головку нерожденного младенца с нераскрытыми глазами. Из второй головы в соседнем сосуде мозг был вынут, теперь он, темно-коричневый и тоже законсервированный, хранился рядом в отдельной банке. В других колбах, банках находились всевозможные грибы, растения, травы самых невообразимых форм с какими-то длинными отростками и скрученными листьями.

Я в шутку назвал его лабораторию «чуланом Синей Бороды». Теперь, когда воспоминания о сегодняшнем дне были еще так свежи, я смотрел на эту маленькую комнату совсем другими глазами. И она уже ассоциировалась у меня не с бородатым деспотом из сказки, а со старой гравюрой, которая в детстве наводила на меня ужас. Называлась гравюра «Алхимик». На ней был изображен человек, единственную одежду которого составляла набедренная повязка: он склонился над печью, вделанной в стену, точно такой же, как здесь, в этой комнате, и раздувал мехами огонь. Слева от него стояли монах в длинной рясе с капюшоном и аббат с крестом в руке. Четвертый человек, в средневековом головном уборе и плаще, опершись на трость, беседовал с ними. На столе теснились всякие склянки, открытые банки, заполненные яичной скорлупой, волосами, нитевидными червями, а посреди комнаты – треножник с круглой колбой, и в колбе – небольшого размера ящерица с головой дракона.

Почему только сейчас, спустя тридцать пять лет, из недр памяти вдруг всплыла эта жуткая гравюра? Я вышел, запер дверь Магнусовой лаборатории и поднялся наверх. Мне нужно было срочно выпить – терпеть больше не было сил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Весь следующий день шел дождь, он моросил не переставая – обычное дело, когда с моря поднимается туман. В такую погоду не погуляешь. Спал я на удивление хорошо и наутро чувствовал себя очень даже неплохо, но, отодвинув занавеску и выглянув в окно, снова улегся в постель и с тоской стал думать, чем бы заняться в такой день.

Вот он, корнуоллский климат, которого так боялась Вита! И я мог себе вообразить, что она скажет, если в разгар каникул зарядят дожди. Мои юные пасынки будут бесцельно сидеть, уставившись в окно, а затем их заставят надеть резиновые сапоги и плащи и, невзирая на протесты, отправят дышать морским воздухом в Пар. Вита начнет слоняться из музыкального салона в библиотеку и обратно, переставляя мебель и повторяя, насколько лучше она бы обставила комнаты, если бы была здесь хозяйкой, а когда ей это надоест, станет названивать кому-нибудь из своих многочисленных приятелей, заполонивших американское посольство в Лондоне, которые в отличие от нее отправляются на отдых на Сардинию или в Грецию. Но пока я на некоторое время был избавлен от подобных проявлений недовольства, и впереди имелось несколько дней свободы. Не важно, пасмурные или солнечные, они все мои, и можно делать все, что взбредет в голову.

Заботливая миссис Коллинз принесла завтрак и утреннюю газету, посочувствовала по поводу погоды, заметив кстати, что профессор всегда находил чем заняться в той чудной старой комнатке под лестницей, и заодно сообщила, что к обеду она поджарит мне цыпленка из своего курятника. Я не собирался идти «под лестницу» и, открыв утреннюю газету, стал пить кофе. Однако вскоре слабый интерес к новостям спорта иссяк, и мои мысли вновь вернулись к вопросу, который не давал мне покоя: что же все-таки случилось со мной вчера?

Может, между мной и Магнусом существует какая-нибудь телепатическая связь? Мы пытались это выяснить в Кембридже, проводя опыты с картами и числами, но ничего не получилось, за вычетом одного-двух случайных совпадений. А ведь в те дни мы были гораздо ближе, чем теперь. Я не мог понять, каким образом, телепатическим или каким угодно еще, мы с Магнусом умудрились испытать одно и то же, причем с перерывом в три месяца (Магнус явно принимал препарат на Пасху), – разве только все, что мы увидели, было как-то связано с самим Килмартом, с событиями, происходившими там когда-то давно. По теории Магнуса, определенная часть мозга способна работать, так сказать, в обратном временном направлении, восстанавливая под влиянием наркотика некий химический состав, соответствующий тому, который когда-то в прошлом уже существовал. Да, но почему именно то время, и никакое другое? Неужели наш всадник оставил в истории этой местности такой неизгладимый след, что затмил все предыдущие и последующие периоды?

Я вновь мысленно вернулся к тем дням, когда студентом приезжал в Килмарт. Обстановка в доме была легкой и беззаботной. Помню, однажды я спросил миссис Лейн, водятся ли в доме привидения. Я задал этот вопрос просто так, от нечего делать, поскольку ничего в доме не говорило об их существовании, – спросил только потому, что дом был очень старый.

– Боже упаси! – воскликнула она. – Да и мы слишком заняты своими делами – привидения этого не любят. Бедняжки, они бы зачахли здесь от скуки, от нас ведь внимания не дождешься. А почему ты спросил?

– Просто так, – заверил я, испугавшись, что вдруг невольно обидел ее. – Хозяева старых домов любят похвастаться своим привидением.

– Ну, не знаю, может, какое и живет в Килмарте, – во всяком случае, нам об этом ничего не известно, – сказала она. – Нам всегда было хорошо в этом доме. Да и вообще, история его не слишком-то примечательна. В семнадцатом веке он принадлежал семейству Бейкер, которое проживало тут до восемнадцатого века, когда появились новые владельцы, Рэшли, и

перестроили дом. Ничего не знаю о том, когда и кто его построил, но говорят, что фундамент относится к четырнадцатому веку.

На этом разговор закончился, но теперь ее слова о фундаменте четырнадцатого века всплыли у меня в памяти. Я вспомнил помещение полуподвального этажа и дворик, в который можно оттуда попасть, и подумал, что идея Магнуса использовать старую прачечную под лабораторию кажется на первый взгляд довольно странной. Несомненно, у Магнуса на то были свои причины. Прачечная находилась в стороне от жилой части дома, и здесь он мог не опасаться, что его побеспокоят, если кто-нибудь, например миссис Коллинз, зайдет в дом.

Я встал довольно поздно, написал несколько писем в библиотеке, отдал должное жареной курице, приготовленной миссис Коллинз, и попытался обдумать свои планы на будущее – какое все же принять решение по поводу работы в Нью-Йорке. Но сосредоточиться я не мог. Все это казалось таким далеким. Да и спешки особой не было. Вот Вита приедет, подумал я, тогда и обсудим все это.

Я выглянул в окно музыкального салона и увидел, как миссис Коллинз идет по дороге к себе домой. Дождь все моросил, а впереди был длинный, скучный день. Я не знаю, когда именно эта идея пришла мне в голову. Возможно, она сидела во мне с тех пор, как я проснулся. Мне хотелось убедиться, что между мной и Магнусом не существовало никакой телепатической связи, когда я накануне принимал в лаборатории препарат. Он сказал, что первый свой опыт проводил именно там – как и я. Возможно, в тот момент, когда я глотал это зелье, между нами произошел какой-то обмен информацией, который столь сильно повлиял на ход моих мыслей и на то, что я увидел (или только воображал, что увидел) в тот день. Интересно, а если бы я принял препарат не в этой мрачной лаборатории, невольно вызывающей ассоциацию с обителью алхимика, а где-нибудь в другом месте – может, тогда эффект был бы совершенно другим? Я никогда этого не узнаю, если сам не проверю.

Еще вчера вечером я обнаружил в буфете маленькую карманную фляжку. Я достал ее и сполоснул холодной водой. Оставалось найти подходящее место для следующего эксперимента. Я спустился вниз и, чувствуя себя совсем как в детстве, когда потихоньку таскал шоколад во время Великого поста, повернул ключ в дверях лаборатории.

Не обращая внимания на покоящиеся в банках образцы, я направился прямо к полке со стройным рядом пузырьков с ярлыками. Как и вчера, я отмерил нужное количество препарата из флакона А, на этот раз перелив его во фляжку. Затем я запер за собой дверь в лабораторию, через двор прошел к зданию бывшей конюшни и сел в машину.

Я медленно проехал по подъездной дороге, свернул налево и по шоссе спустился с Полмиарского холма, затормозив у его подножия, чтобы осмотреть местность. Здесь, на том самом месте, где сейчас я видел богадельню и гостиницу, вчера был брод. Несмотря на наличие современной дороги, характер местности с тех пор не изменился, но та часть долины, в которую вчера устремлялся прилив, теперь превратилась в болото. Я свернул на дорогу, ведущую в Тайуордрет, и с содроганием подумал о том, что если я вчера под действием препарата и в самом деле брел по этой дороге, то меня запросто могла сбить любая проезжающая мимо машина, ведь я даже не услышал бы ее.

По крутой узкой дороге я спустился к деревне и, немного не доехав до церкви, остановил машину. Все еще моросил мелкий дождь, и вокруг не было ни души. Вверх по главной улице Пара проехал фургон и скрылся из виду. Из бакалейного магазина вышла женщина и пошла по дороге в том же направлении. Больше никто не появлялся. Я вышел из машины, открыл железные ворота и, пройдя через кладбище, поднялся на церковное крыльцо, чтобы укрыться от дождя. Кладбище было расположено на южном склоне и внизу упиралось в стену, окружавшую всю территорию церкви. Далее виднелись фермерские постройки. Вчера в том, другом мире на этом месте не было никаких строений – только синяя гладь залива, а там, где сейчас разместилось кладбище, находился монастырь.

Теперь я знал эту местность гораздо лучше. Если бы препарат снова подействовал, я мог бы оставить машину прямо здесь и пойти домой пешком. Вокруг никого не было. Тогда, подобно пловцу, ныряющему в ледяную воду, я быстро достал фляжку и залпом все выпил. Как только я сделал это, меня охватил панический страх. Что, если во второй раз препарат подействует на меня иначе? Вдруг я засну и просплю несколько часов? Остаться на месте или лучше залезть в машину? Церковное крыльцо вызывало у меня клаустрофобию, поэтому я сошел вниз и уселся на одно из надгробий недалеко от аллеи, но так, чтобы с дороги меня не было видно. Если сидеть спокойно, не шевелясь, может, ничего и не случится. Я даже начал молиться: «Господи, не допусти, чтобы что-то произошло. Не допусти, чтобы препарат начал действовать».

Я просидел так минут пять, слишком обеспокоенный возможными неприятными последствиями, чтобы обращать внимание на дождь. Затем я услышал, как часы на церкви пробили три, и взглянул на свои, чтобы сверить время. Они отставали на пять минут, и я перевел их – и тут я услышал крик со стороны деревни или, вернее, приветственные возгласы, а может, и то и другое, и еще какой-то звук, похожий на скрип колес. «О боже, этого только не хватало! – подумал я. – Неужели сюда спускается бродячий цирк? Надо убрать машину». Я поднялся и направился по аллее к церковным воротам. Но так и не дошел до них, потому что ворот уже не было, и я обнаружил, что смотрю в круглое окошко, вделанное в каменную стену, откуда был виден выложенный булыжником четырехугольный двор с посыпанной галькой дорожкой по периметру.

Ворота в противоположной стене двора были широко распахнуты, и за ними я мог разглядеть толпу людей, собравшихся на общинном лугу: мужчин, женщин, детей. Это их крики я слышал, а скрип издавали колеса огромной крытой повозки, впряженной в пятерку лошадей. На кореннике и на пристяжной рядом с ним сидели верховые. Деревянный балдахин над повозкой был окрашен в яркий пурпур и золото. Я увидел, как массивные шторы, закрывавшие переднюю часть экипажа, раздвинулись и под нарастающие крики и аплодисменты толпы в проеме появился человек – он поднял руки, благословляя народ. Глядя на его роскошное церковное облачение, я вспомнил, что Роджер и настоятель монастыря упоминали о предстоящем визите епископа Эксетерского и как напуган был настоятель этим известием, – видимо, на то были свои причины. Вероятно, это и был его милость собственной персоной.

Внезапно воцарилась тишина, и все опустились на колени. Ослепительно сияло солнце. Я вдруг перестал ощущать самого себя, – казалось, все потеряло для меня свое привычное значение. Мне теперь было все равно – пусть препарат действует как угодно: моим единственным желанием было слиться с этим миром, который меня сейчас окружал.

Я увидел, как епископ вышел из своего экипажа и толпа подалась вперед. Затем он в сопровождении свиты вошел через ворота во двор. Навстречу ему из дверей, находившихся под моим окном, выступил настоятель с монахами, и ворота закрылись перед толпой.

Я оглянулся и обнаружил, что стою в зале со сводчатыми потолками, в котором находилось человек двадцать. Судя по их смиренному, выжидательному виду, они толпились здесь, чтобы быть представленными его милости. Их костюмы говорили о том, что это местная знать, и, видимо, поэтому их допустили на территорию монастыря.

– Вот увидишь, – раздался голос прямо у меня над ухом, – по такому случаю на ее лице не будет ни капли краски.

Рядом с собой я увидел моего знакомого всадника, Роджера, но его слова были адресованы не мне, а другому человеку приблизительно его же возраста или чуть старше, который, прикрыв рукой рот, пытался сдержать смех.

– Накрашенная, ненакрашенная, все равно сэр Джон переспит с ней, – ответил тот. – Лучшего времени, чем теперь, для этого и не придумаешь – ведь его собственная женушка собирается рожать в Бокенде, за восемь миль отсюда.

– Может, у них что и получится, – согласился другой, – но это довольно рискованно. И где уверенность, что ее супруг, сэр Генри, останется здесь? Навряд ли он будет ночевать сегодня в монастыре, ведь гостевая предназначена для епископа. Да, придется им еще потерпеть – ну да ничего страшного, только аппетит нагуляют.

По всей видимости, за прошедшие века привычка злословить мало изменилась; тем не менее это перешептывание за спиной необычайно занимало меня, хотя если бы я услышал подобные сплетни из уст своих современников на каком-нибудь светском сборище, мне было бы невообразимо скучно. Возможно, особая пикантность заключалась в том, что я подслушивал как бы из другого времени, да еще в стенах монастыря. Я взглянул туда, куда смотрели они: у дверей стояла небольшая группа людей – несомненно, те немногие, кто удостоился чести быть представленным епископу. Который же из них этот сердцеед сэр Джон – не тот ли это тип, что «и вашим и нашим» (если я правильно помнил слова приора)? И которая же из них его счастливая ненакрашенная избранница?

Там было четверо мужчин, три женщины и два молодых человека. Средневековые головные уборы не позволяли на расстоянии разглядеть лица дам. Я узнал владельца здешних земель Генри де Шампернуна, величественного, преклонных лет мужчину, который вчера молился в часовне. Он был одет гораздо скромнее, чем его друзья, облаченные в длинные, разного цвета туники, доходившие до середины икры и на бедрах перехваченные ремнями; впереди на ремне у каждого висели кошелек и кинжал. У всех были бороды, а волосы, видимо по тогдашней моде, были мелко завиты.

К Роджеру и его приятелю подошел какой-то человек в рясе, с четками на поясе. По его пунцовому носу и путаной речи нетрудно было догадаться, что он посетил монастырские винные погреба.

– Каков порядок представления? – пробормотал он. – Как приходский священник и капеллан сэра Генри я ведь должен быть в его свите?

Роджер взял его за плечо и повернул лицом к окну:

– Сэр Генри обойдется без твоего перегара, да и его милость епископ тоже, так что, если не хочешь потерять место, лучше не высовывайся.

Священник запротестовал, опираясь, однако, для равновесия о стену, и тяжело опустился на скамью. Роджер пожал плечами и повернулся к своему приятелю.

– Удивительно, как у Отто Бодругана хватает наглости показываться на людях, – сказал тот. – Не прошло и двух лет, как он воевал с Ланкастером против короля. Говорят, он был в Лондоне, когда толпа проволокла по улицам епископа Степлдонского.

– Не было его там, – ответил Роджер, – он в это время торчал в Уоллингфорде с другими приверженцами королевы.

– Все равно положение у него довольно щекотливое, – ответил его приятель. – На месте епископа я бы поостерегся доверять человеку, который, по слухам, одобрял убийство его предшественника.

– Его милости некогда заниматься политикой, – оборвал Роджер. – У него хватает забот в епархии. Ему нет нужды ворошить прошлое. А Бодруган сегодня здесь потому, что он такой же владелец земель, как и Шампернун, ведь его сестра Джоанна замужем за сэром Генри. К тому же у него есть обязательства перед сэром Джоном. Он до сих пор не вернул ему долг в двести марок.

Из-за толчеи в дверях им пришлось продвинуться вперед, чтобы лучше видеть: оба были явно мелкой рыбешкой, стояли где-то на нижних ступенях иерархической лестницы. Появился епископ, рядом с ним приор, выглядевший гораздо опрятней и элегантней, чем в тот раз, когда он сидел на своей грязной постели вместе с блохастой собакой. Мужчины почтительно склонили головы в поклоне, дамы сделали реверанс, и епископ, подходя к каждому, протягивал руку для поцелуя, в то время как приор, возбужденный церемонией, по очереди представлял

присутствующих. Поскольку я не принадлежал к их миру, то мог свободно передвигаться, как мне заблагорассудится, лишь бы не касаться их, поэтому я пробрался поближе – мне не терпелось выяснить, кто есть кто в этой компании.

– Сэр Генри де Шампернун, владелец земель в Тайуордрете, – робко начал приор, – недавно вернулся из паломничества в Компостелу.

Почтенный рыцарь сделал шаг вперед и опустился на колено. И я вновь был поражен его благородством и изысканностью манер, соединенных с благочестием. Поцеловав протянутую ему руку, он выпрямился и повернулся к стоявшей рядом даме.

– Моя жена Джоанна, ваша милость, – сказал он, и дама присела в глубоком реверансе, стараясь в благочестии не отставать от мужа. В общем, она успешно справилась со своей задачей. Значит, это и есть та самая дама, которая по случаю прибытия епископа не нарядилась. По-моему, правильно сделала. Платок, обрамлявший ее лицо, сам по себе был уже прекрасным украшением, способным придать очарование любой женщине, будь она красавицей или дурнушкой. Ее нельзя было отнести ни к тем, ни к другим, однако меня не удивило, что ее супружеская верность подвергается сомнению. Видал я подобные глаза у женщин моего мира – глубокие и чувственные: помани пальцем – и она твоя.

– Мой сын и наследник Уильям, – продолжал ее супруг, и вперед с поклоном выступил один из молодых людей.

– Сэр Отто Бодруган, – представлял дальше сэр Генри, – и его жена, моя сестра, Маргарет.

Как тесно все переплелось в их мире – кажется, мой всадник Роджер упомянул, что Отто Бодруган к тому же еще и брат Джоанны, жены Шампернуна, а значит, он связан с владельцем этих земель двойными узами. Маргарет была небольшого роста, бледная и явно очень нервничала – чуть не упала, делая реверанс перед его милостью (и, несомненно, упала бы, если бы муж не поддержал ее). Мне понравился Бодруган: в нем была какая-то удаль, и я подумал, что на такого можно положиться в минуту опасности, будь то битва или дерзкий побег. С чувством юмора, по-видимому, у него тоже было все в порядке, поскольку оплошность его жены не вызвала в нем ни смущения, ни досады – он только ободряюще улыбнулся ей. Его глаза, такие же карие, как и у Джоанны, были не столь выразительны, но я понял, что в их характерах много общего.

Бодруган в свою очередь представил своего старшего сына Генри и затем отошел назад, уступая место следующему в очереди для представления. Тому явно не терпелось явить себя перед епископом. Он был одет намного богаче, чем Бодруган или Шампернун, на его губах играла самодовольная улыбка.

На этот раз представлял сам приор.

– Наш горячо любимый и почитаемый покровитель сэр Джон Карминоу Бокенодский, – объявил он. – Без его материальной поддержки нашему монастырю пришлось бы туго в эти трудные времена.

Так значит, это и есть тот доблестный рыцарь, который и вашим и нашим: жена рожает за восемь миль отсюда, возлюбленная тут, рядом, хотя до постели дело еще не дошло. Я был разочарован, ожидая увидеть эдакого молодца. Ничего подобного: он был небольшого роста, коренастый, надутый как индюк от сознания собственной важности. Вероятно, леди Джоанна не слишком разборчива.

– Ваша милость, – сказал он напыщенно, – ваше присутствие здесь для нас огромная честь. – И он склонился над протянутой ему рукой с таким подобострастием, что, будь я на месте Отто Бодругана, задолжавшего ему двести марок, поддал бы ему хорошенько под зад ногой и рассчитался бы с ним таким образом.

Епископ, проницательный и настороженный, подмечал каждую мелочь. Он напоминал мне генерала, прибывшего с проверкой нового личного состава и мысленно делающего свои выводы относительно каждого из офицеров: Шампернун – устарел, заменить; Бодруган – доб-

рый вояка, но своенравен, недавно бунтовал против короля; Карминоу – тщеславен и угодлив, с ним надо держать ухо востро. Что же касается приора – позвольте, уж не пятно ли от соуса у него на платье? Могу поклясться, что епископ тоже заметил его. Через минуту его взгляд уже скользнул по головам других собравшихся, рангом пониже, и остановился на полулежащей фигуре приходского священника. Я надеялся, что обход не дойдет до монастырской кухни или, еще того хуже, комнаты самого приора.

Сэр Джон поднялся с колен и в свою очередь принялся представлять тех, кто приехал с ним.

– Ваша милость, мой брат, сэр Оливер Карминоу, член королевской парламентской комиссии, и его супруга Изольда. – Он подтолкнул вперед своего брата, который, судя по красному лицу и бессмысленному взгляду, провел время в ожидании высокого гостя в винном погребе вместе с приходским священником.

– Ваша милость, – сказал тот и преклонил колено, но не слишком низко, видимо, из опасения, что, поднимаясь, может потерять равновесие.

На вид он казался симпатичней сэра Джона, хоть и был навеселе: выше ростом, шире в плечах, с мужественным подбородком – явно не из тех, кто уступает в споре.

– А вот от этой я бы не отказался, будь у меня право выбирать, – восхищенно прошептал мне кто-то в самое ухо.

Роджер, мой проводник, снова стоял рядом, но говорил он не со мной, а со своим приятелем. В его способности направлять мои мысли, всегда возникать рядом как раз тогда, когда я меньше всего ожидал его увидеть, было что-то сверхъестественное. Впрочем, надо отдать должное его вкусу. Мне стало любопытно, догадывалась ли она о его отношении, – во всяком случае, когда она поднялась после реверанса и поцеловала епископу руку, она посмотрела прямо на нас.

Изольда, жена сэра Оливера Карминоу, не носила головного убора: ее золотистые волосы, заплетенные в косы в виде двух петель, были перехвачены обручем с драгоценными камнями, который был надет поверх ажурной сетки. И одевалась она не как все: на ней не было плаща, как у других дам, и платье, не столь широкое, лучше обрисовывало фигуру, а длинные узкие рукава спускались ниже запястья. Вероятно, оттого, что она была моложе остальных присутствующих дам (от силы лет двадцать пять – двадцать шесть), мода играла гораздо большую роль в ее жизни, хотя, если и так, сама она, похоже, не осознавала этого и носила свои изысканные наряды с небрежным изяществом. Я никогда в жизни не видел более прелестного и более скучающего женского лица, и когда она без всякого интереса обвела взглядом нашу компанию, точнее сказать Роджера и его приятеля, губы ее чуть заметно дрогнули, и я понял, что она с трудом сдерживает зевоту.

Думаю, каждому случается однажды в жизни увидеть мелькнувшее в толпе лицо и навсегда запомнить его, а если очень повезет, можно спустя какое-то время случайно повстречать его вновь в ресторане или на вечеринке. Такая встреча зачастую разрушает все чары, и волшебство исчезает. Но мне это не грозило. Я взирал сквозь века на живое воплощение шекспировской «девы несравненной»², которая, увы, никогда на меня не взглянет.

– Интересно, – пробормотал Роджер, – сколько еще она будет безропотно сидеть взаперти в Карминоу и запрещать себе даже думать о свободе?

Мне тоже хотелось бы это знать. Если бы я жил в их времена, то без колебаний отказался бы от должности управляющего именем сэра Генри Шампернуна и предложил бы свои услуги сэру Оливеру и его жене.

– Но в одном ей повезло, – отозвался другой, – ей не нужно думать о том, чтоб родить мужу наследника, – три крепеньких пасынка избавили ее от этой заботы. Она вольна делать что

² Шекспир У. Антоний и Клеопатра. Акт V, сцена 2.

пожелает: свою лепту она уже внесла, подарив мужу двух дочерей, и сэр Оливер не останется внакладе, когда придет время выдавать их замуж.

Вот как оценивали женщину в те дни. Простой товар, который изначально выращивают на продажу и затем торгуют им на рынке, точнее – в поместье. Неудивительно, что, исполнив свой долг, женщина стремилась найти утешение на стороне: заводила любовника или с увлечением начинала торговать собственными детьми – дочерьми, сыновьями.

– Вот что я тебе скажу, – заявил Роджер, – Бодруган имеет на нее виды, но, пока он не расквитался с сэром Джоном, ему надо держать ухо востро.

– Спорю на пять денариев, она и не посмотрит на него.

– По рукам. Но если я прав, подряжусь к ним связным. У меня большой опыт в этом деле – сколько раз помогал своей хозяйке и сэру Джону.

Поскольку я наблюдал за всем происходящим из другого времени, мне отводилась сугубо созерцательная роль: никакой ответственности, никаких обязательств. Я мог передвигаться в этом мире, оставаясь незамеченным и зная: что бы ни произошло, я не в состоянии ничего предпринять, будь то комедия, трагедия или фарс. А вот в своем двадцатом веке я должен нести полную ответственность за собственное будущее и за будущее моей семьи.

Кажется, на этом церемония представления завершилась, но программа визита еще далеко не была исчерпана, поскольку колокол начал созывать к вечерне, и вся компания разделилась: более почетные гости отправились в монастырскую часовню, а те, кто попроще, – в приходскую церковь, которая одновременно составляла часть часовни, и лишь арочный проем, перегородженный решеткой, отделял одну от другой.

Я подумал, что спокойно обойдусь без вечерней службы, хотя, устроившись возле решетки, можно было бы из церкви понаблюдать за Изольдой. Но мой злосчастный проводник, который поначалу сам вытягивал шею явно с тем же намерением, затем решил, видимо, что и так слишком долго валял дурака, и, кивком головы дав знак своему приятелю, вышел из здания монастыря и через прямоугольный двор прошел к воротам. Они снова были распахнуты, и около них собралась толпа из священников и прислуги, которые, хохоча, наблюдали за тем, как люди епископа пытались затащить неуклюжую повозку во двор монастыря: колеса завязли на обочине, между размытой дорогой и общинным лугом. Но это развлечение было здесь не единственным достойным внимания: на лугу, похоже, развернулась ярмарка – повсюду были установлены лотки и стойки, какой-то парень бил в барабан, другой пиликал на скрипке, в то время как третий чуть не оглушил меня, одновременно дую в два огромных, длиной с него самого, рога, с которыми он, ловко работая руками, умудрялся как-то справляться.

Вслед за Роджером и его другом я вышел на луг. Они останавливались чуть ли не каждую минуту поприветствовать знакомых, и я понял, что это было не случайное веселье, наспех устроенное в честь приезда епископа, а настоящий мясной пир: у каждой стойки висели на крюках туши только что забитых баранов и свиней – кровь еще капала с них на землю. Подобную картину можно было наблюдать и возле каждого выходившего на луг дома. Хозяева с ножами в руках трудились в поте лица, свежую овцу, или выпускали кровь из свиной туши, а некоторые, видимо занимавшие более высокое положение в этом обществе, с важным видом демонстрировали огромные рогатые бычьи головы под рукоплескания и одобрительный смех толпы. Когда день начал угасать, запыхавшиеся факелы, в свете которых в фигурах забойщиков и свежесвалыщиков скота появилось что-то демоническое. Они работали очень быстро, даже азартно, торопясь завершить дело до наступления ночи, и от этого общее возбуждение все нарастало, и знакомый музыкант с двумя рогами в руках, продвигаясь в толпе, высоко поднял свои инструменты, чтобы извлечь из них поистине оглушительные звуки.

– С Божьей помощью их желудки не будут пустыми в эту зиму, – заметил Роджер. (Я совсем забыл о нем во всей этой кутерьме, но он по-прежнему был рядом.)

– У тебя небось каждая скотина на учете? – спросил его приятель.

– Не только на учете – без проверки ни одну не забиваем. Конечно, сэр Генри сам-то сроду не заметит пропажи, даже в сотню голов, а заметит – так тоже ничего; другое дело – моя госпожа, это она у нас всем заправляет. Он слишком ушел в молитвы, чтобы думать о своем кошельке, да и вообще о хозяйстве.

– Так значит, она тебе доверяет?

Мой проводник засмеялся:

– Еще бы! А что ей остается? Ведь я в курсе всех ее делишек. Так что чем больше она прислушивается к моим советам, тем крепче спит по ночам.

Он повернул голову, поскольку до нас снова донесся шум, – на этот раз он слышался со стороны монастырского двора, той его части, где находились конюшни и куда наконец удалось втащить епископский экипаж, вытеснив повозки поменьше, все, как одна, с балдахином и родовым гербом на боку. Эти странные повозки – не то колесница, не то фургон, – по-видимому, были малоудобным средством передвижения, особенно для знатных дам, но, без сомнения, именно для этого они и предназначались: на моих глазах три экипажа выехали со стороны заднего двора и, скрипя и грохоча при каждом повороте, выстроились один за другим перед монастырскими воротами.

Вечерня закончилась, и истинно верующие начали выходить из церкви и слились с толпой на лугу. Роджер направился к монастырскому двору, приблизился к главному зданию, у входа в который собрались гости, уже готовые разъехаться по домам. Впереди стоял Джон Карминоу, рядом с ним – жена сэра Генри, Джоанна де Шампернун. Когда мы подошли, я услышал, как Джон шепнул ей на ухо:

– Если я завтра приеду, ты будешь одна?

– Может быть, – ответила она. – Но лучше подожди, пока я дам знать.

Он наклонился и поцеловал ей руку, затем сел верхом на коня, которого подвел к нему конюх, и ускакал прочь. Джоанна проводила его взглядом и повернулась к своему управляющему.

– Сэр Оливер и леди Изольда ночуют сегодня у нас, – сказала она. – Поторопи там людей, чтобы их не задерживали с отъездом. Да, и найди сэра Генри. Я хочу домой.

Она стояла в дверях, в нетерпении постукивая ногой. Ее большие карие глаза говорили, что у нее зреет тайный план. Бедняга сэр Джон – ему, наверное, приходится из кожи вон лезть, чтобы сохранить ее расположение. Роджер вошел в здание монастыря, я за ним. Со стороны трапезной доносились голоса, и, спросив какого-то монаха, стоявшего неподалеку, он узнал, что сэр Оливер Карминоу вместе с остальными сейчас ужинает, а его жена еще не вернулась из часовни.

Минуту помедлив, Роджер направился к часовне. Сначала мне показалось, что в ней никого нет. Свечи у алтаря были потушены, и я с трудом мог разглядеть что-либо. Возле решетки стояли две фигуры: мужчина и женщина. Когда мы подошли поближе, я увидел, что это Отто Бодруган и Изольда Карминоу. Они тихо беседовали, о чем – я не слышал, но сразу заметил, что выражение недовольства и скуки исчезло с ее лица, а потом она неожиданно подняла голову, взглянула на него и улыбнулась.

Роджер похлопал меня по плечу:

– По-моему, слишком темно, ничего не видно. Включить свет?

Но это был не его голос. Он исчез, и все остальные тоже. Я стоял в южном приделе церкви, и рядом со мной – человек в твидовом пиджаке, из-под которого выглядывал воротничок-стойка.

– Я только что видел вас на кладбище, – сказал он. – Мне показалось, вы никак не могли решиться войти сюда и укрыться от дождя. Я рад, что вы наконец это сделали. Разрешите показать вам церковь. Я викарий церкви Святого Андрея. Это замечательная старая церковь, и мы ею очень гордимся.

Он поднял руку к выключателю и зажег весь свет. Я посмотрел на часы, причем ни тошноты, ни головокружения не было, — ровно половина четвертого.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На этот раз резкого перехода не было. Я попал из одного мира в другой почти мгновенно, не испытав при этом неприятных физических ощущений наподобие вчерашних. Труднее всего оказалось переключить сознание – мой бедный мозг просто не выдерживал невероятных усилий и концентрации внимания. К счастью, викарий шел впереди и все время болтал, и если мой вид и показался ему, мягко говоря, странноватым, он из вежливости оставил это без комментариев.

– Летом у нас довольно много посетителей, – сказал он, – приходят отдыхающие из Пара, а многие приезжают сюда из Фоя. Но вы, по-видимому, настоящий энтузиаст – даже дождя не испугались.

Невероятным усилием воли я заставил себя сосредоточиться.

– Понимаете, – начал я, удивляясь тому, что вообще могу говорить, – меня интересует даже не сама церковь и не кладбище. Мне рассказывали, что здесь когда-то был монастырь.

– А, монастырь. Да-да, как же. Это было так давно, и, к сожалению, ничего не сохранилось. После закрытия монастырей в 1539 году все здания разрушились. Одни говорят, что он находился на том месте, где сейчас расположена ферма Ньюхауз, там внизу, в долине, другие – что он занимал территорию нынешнего кладбища, к югу от крыльца. Но точно никто не знает.

Он повел меня в северный придел и показал надгробие последнего приора, похороненного там перед алтарем в 1538 году, затем обратил мое внимание на кафедру, несколько скамей и то, что осталось от старой алтарной перегородки. Ничего похожего на ту маленькую церковь с решеткой в стене, отделявшей ее от монастырской часовни, которую я видел совсем недавно. И сейчас, когда я стоял здесь рядом с викарием, я не мог по памяти восстановить детали прежнего интерьера.

– Все так изменилось, – сказал я.

– Изменилось? – переспросил он с удивлением. – Ах да, конечно. В 1880 году в церкви были проведены большие реставрационные работы. Возможно, не все получилось удачно. Вы разочарованы?

– Нет, – поспешно заверил я, – вовсе нет. Просто... Я уже говорил, меня интересует очень далекое прошлое, задолго до закрытия монастырей.

– Ясно. – Он понимающе улыбнулся. – Мне самому любопытно, как это все выглядело в те далекие времена, когда на этом месте стоял монастырь. Знаете, это ведь была французская обитель, принадлежавшая бенедиктинскому аббатству Святых Сергия и Бахуса в Анже, и, насколько мне известно, большинство монахов там были французы. Жаль, что я не могу рассказать вам об этом подробнее, но я здесь совсем недавно, да к тому же я не историк.

– Я тоже, – сказал я, и мы направились к выходу. – А вы что-нибудь знаете о прежних владельцах этих земель?

Он остановился, чтобы выключить свет.

– Только то, что мне удалось прочитать в «Истории приходов», – сказал он. – Старое поместье упоминается в кадастровой книге под названием Тайуордрай, что означает «дом на берегу». Оно принадлежало семейству Кардингем. Затем последняя владелица из Кардингемов, Изольда, продала его Шампернунам, а после их смерти оно перешло в другие руки.

– Изольда?

– Да, Изольда де Кардингем. Она вышла замуж за некоего Уильяма Феррерса Берского из Девона, но, к сожалению, подробностей я не помню. В библиотеке Сент-Остелла вы найдете гораздо больше сведений.

Он снова улыбнулся, и мы вышли во двор.

– Вы сюда на какое-то время пожить или проездом? – спросил он.

– Пожить. Профессор Лейн любезно предоставил мне на лето свой дом.

– Килмарт? Как же, знаю. Но в доме я никогда не был. Мне кажется, профессор Лейн не часто приезжает сюда, да и в церкви я его никогда не видел.

– Да, не часто, – ответил я.

– Если у вас когда-нибудь возникнет желание прийти сюда – послушать службу или просто так, всегда будем рады, – сказал он, когда мы прощались у ворот.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел по дороге к тому месту, где оставил машину. Боюсь, что был не очень-то вежлив с ним. Я даже не поблагодарил его за любезность и не представился. Наверняка он принял меня за празднослоняющегося отдыхающего, только плохо воспитанного, да еще малость с придурью. Я сел в машину и закурил, пытаюсь собраться с мыслями. Меня приятно удивило отсутствие реакции на препарат. Никакого намека на головокружение или тошноту, руки и ноги не болели, как в прошлый раз, и пот меня не прошибал.

Я открыл окно в машине и посмотрел на убегающую вдаль улицу, затем вновь взглянул на церковь. Ничего не узнать. Общинный луг, на котором еще недавно толпился народ, по всей видимости, занимал всю эту территорию, вплоть до того места, где дорога делает поворот и идет вверх. Монастырский двор, в который с таким трудом втащили епископскую колымагу, скорее всего располагался в той ложбине ниже мужской парикмахерской и доходил до восточной стены современного кладбища, а главное здание монастыря, согласно версии, упомянутой викарием, стояло здесь, занимая всю южную часть кладбища. Я закрыл глаза. Перед моим мысленным взором возникли ворота, замкнутый двор, вытянутое узкое здание, в котором располагались кухня, трапезная, кельи монахов, помещение капитула, где происходила церемония представления, покои приора на втором этаже. Я открыл глаза, но кусочки мозаики не складывались в стройный узор. Особенно сбивала с толку церковная башня. Бессмысленно было решать эту головоломку – никаких соответствий, разве что рельеф местности.

Я бросил сигарету, завел машину и поехал по дороге мимо церкви. Когда я спустился с холма и, минуя ручей, протекающий по долине, выехал к беспорядочно разбросанным в низине магазинчикам Пара, меня охватило странное возбуждение. Еще десять минут назад все это было под водой и море подступало к стенам монастыря, расположенного на склоне холма. Там, где сейчас стоят дачи, дома, магазины, на песчаные берега накатывали волны голубого залива, полноводного от наступающего прилива. Я остановил машину у аптеки и купил зубную пасту. Когда девушка протянула мне тюбик, чувство возбуждения достигло апогея. Мне вдруг показалось, что и она, и сама аптека, и два других случайных посетителя нематериальны, и я почувствовал, что мысленно улыбаюсь. Мной овладело страстное желание сказать им: «А ведь вы не существуете. Все это погребено под водой».

Я вышел из аптеки и остановился. Дождь перестал. Тяжелую пелену, висевшую весь день над головой, наконец прорвало, и небо стало похоже на лоскутное одеяло: голубые квадраты беспорядочно перемежались с серыми клочьями туч. Домой ехать еще рано. Магнусу звонить тоже рано. Кое-что я все-таки доказал: никакой телепатической связи между нами на этот раз точно не было. Если в прошлый раз он каким-то образом мог бессознательно повлиять на мое восприятие, то сегодня нет. Лаборатория в Килмарте больше не казалась мне порождением дьявола, вызывающим к жизни привидения, – во всяком случае, сегодня на крыльце церкви Святого Андрея уместилось призраков не меньше. Магнус, вероятно, был прав, утверждая, что существует некий химический процесс, обладающий способностью вызывать обратную временную связь, и препарат активизировал эту способность.

Когда викарий похлопал меня по плечу, я еще не успел толком очнуться от видений давно минувших дней, но уже перенесся из одной действительности в другую. Может ли быть, что время всемерно – вчера, сегодня, завтра чередуются в бесконечном повторе? Неужели достаточно поменять какой-нибудь компонент, скажем энзим, и я увижу собственное будущее, самого себя лысым стариком, одиноко доживающим свой век в Нью-Йорке, – мальчики

выросли, обзавелись семьями, Вита умерла. Эта мысль была мне неприятна. Лучше думать о Шампернуах, Карминоу, Изольде. Нет, никакой телепатии тут не было: Магнус ведь даже не упоминал о них, вот викарий – да. Но уже после того, как я видел их собственными глазами.

Наконец я решил, что мне делать: я поеду в Сент-Остелл в библиотеку и посмотрю, нет ли там книг, в которых можно было бы найти какие-нибудь свидетельства, подтверждающие, что все эти люди действительно существовали.

Библиотека находилась уже за чертой города. Я поставил машину и вошел внутрь. Девушка-библиотекарь оказалась очень любезной. Она посоветовала мне подняться в зал справочной литературы и поискать описание генеалогий в книге под названием «Справочник по Корнуоллу».

Я взял с полки увесистый фолиант и сел за стол. Просмотрев первый раз список имен в алфавитном порядке, я был разочарован: ни Бодруганов, ни Шампернуов, ни Карминоу, даже Кардингемов не было. Я снова вернулся к началу списка и вдруг понял, что просто невнимательно читал, поскольку тут же увидел имя Карминоу из Карминоу. Со всевозрастающим интересом я пробежал глазами страницу и нашел сэра Джона, женатого на Джоанне (его, должно быть, раздражало, что у жены и любовницы одинаковые имена). Он родил целый выводок детей, и один из его внуков – Майлз – унаследовал Боконнок. Боконнок... Бокенод – написание совсем иное, но это, несомненно, был мой сэр Джон.

На следующей странице я обнаружил его старшего брата, сэра Оливера Карминоу. От первой жены у него было несколько детей. Я посмотрел дальше эту строчку и нашел Изольду, его вторую жену, дочь некоего Рейнольда Феррерса Берского из Девона, и ниже, в конце страницы, упоминались ее дочери – Джоанна и Маргарет. Все-таки я нашел ее – не девонскую наследницу, Изольду Кардингем, о которой говорил викарий, а ее внучку.

Я отложил книгу в сторону и вдруг понял, что глупо улыбаюсь, в упор глядя на человека в очках, читавшего «Дейли телеграф»: он смотрел на меня с большим подозрением, но, перехватив мой взгляд, снова спрятался за газетой. Моя «дева несравненная» – не плод воображения, не результат телепатии между мной и Магнусом. Она действительно существовала, хотя точных дат ее жизни мне выяснить не удалось.

Я поставил книгу на полку, спустился по лестнице и вышел из здания библиотеки, возбужденный своим открытием. Карминоу, Шампернуны, Бодруганы – ведь все они умерли без малого шестьсот лет назад и все-таки продолжают жить в моем временном мире.

По дороге из Сент-Остелла я размышлял о том, как много всего успел за один день: присутствовал на церемонии в монастыре, давно канувшем в Лету, участвовал в деревенском празднестве. И все благодаря колдовскому зелью, которое сотворил Магнус; и никаких побочных явлений, неприятных последствий, – наоборот, ощущение избытка жизненных сил и радостное возбуждение. Легкость такая, будто летишь. Я поднялся на Полмиарский холм на скорости не менее шестидесяти миль в час, свернул на дорогу, ведущую в Килмарт, поставил машину и вошел в дом – и только тут снова вспомнил о своем сравнении – будто летишь... Может, это и есть побочный эффект? Это невероятное чувство возбуждения – море по колено. Вчерашняя тошнота и головокружение возникли оттого, что я нарушил правила. Сегодня переход из одного мира в другой произошел без всяких усилий, и вот – состояние полного ликования.

Я поднялся в библиотеку и набрал телефон Магнуса. Он сразу поднял трубку.

– Ну как прошло? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду? Что прошло? Дождь? Лил целый день.

– В Лондоне погода чудесная, – ответил он. – Ладно, довольно о погоде. Как прошло второе путешествие?

Его уверенность, что я снова пошел на эксперимент, задела меня за живое.

– С чего ты взял, что было второе путешествие?

– Это неизбежно.

– Ну хорошо, ты прав. Вообще-то, я не собирался, но захотелось кое-что проверить.

– Что проверить?

– Что этот эксперимент не имеет ничего общего с телепатической связью между нами.

– Я и сам мог бы тебе это сказать.

– Возможно. Но мы оба провели первый эксперимент в чулане Синей Бороды, что могло в какой-то степени повлиять на мое подсознание.

– Ну и...

– Ну я и отлил нужную дозу в твою фляжку – прости, что взял без спросу, – поехал к церкви и проглотил все содержимое на церковном крыльце.

Его восторженное пыхтение разозлило меня еще больше.

– Что такое? – спросил я. – Только не говори, что ты сделал то же самое.

– Вот именно. Но не на крыльце, дружище, а на кладбище, как только стемнело. Но суть не в этом – что же ты видел?

Я рассказал ему все, включая беседу с викарием, посещение библиотеки и отсутствие, как мне казалось, всяких побочных явлений. Он молча выслушал мою сагу от начала до конца, не прерывая меня, а когда я закончил, попросил не вешать трубку, поскольку хотел пойти и налить себе чего-нибудь выпить, не преминув напомнить мне, чтобы я не вздумал делать то же самое. Мысль о том, что он может позволить себе джин с тоником, привела меня просто в бешенство.

– Я считаю, ты очень удачно вышел сегодня из эксперимента, – сказал он, – к тому же тебе, как я вижу, посчастливилось познакомиться со сливками местного общества. Мне не так везет – ни в этом мире, ни в тамошнем.

– Ты хочешь сказать, что ничего похожего не видел?

– Абсолютно. Ни комнаты капитула, ни общинного луга. Я попал в монашеские кельи – совсем другая компания.

– И что там было? – спросил я.

– А сам не догадываешься, что могло происходить, когда собирались вместе несколько средневековых французиков? Напряги-ка воображение.

На этот раз настала моя очередь удовлетворенно пыхтеть. Мысль о том, что чистоплюй Магнус поневоле подсматривал эту мерзость, вернула мне хорошее расположение духа.

– Знаешь, – сказал я, – наверно, каждый из нас получает то, что заслуживает. Я – его милость епископа и знать, как напоминание о давно забытых снобистских замашках, которые культивировали в Стоунихерсте, а ты – сексуальные отклонения, с которыми вот уже тридцать лет упорно борешься.

– С чего ты взял, что я борюсь с ними?

– Ни с чего. Просто отдаю должное твоему безупречному поведению.

– Спасибо за комплимент. Как бы там ни было, телепатию можно исключить. Согласен?

– Согласен.

– Поэтому все, что мы видели, мы видели благодаря совсем другому каналу связи – через всадника Роджера. Он находился в помещении капитула и на лугу – с тобой, в монашеской келье – со мной. Именно он тот мозг, который поставляет нам с тобой информацию.

– Да, но почему?

– Почему? Ты думаешь, мы сможем это понять всего за пару путешествий? Для этого тебе придется еще немало потрудиться.

– Допустим, но, честно говоря, немного надоело всякий раз думать о том, что придется тенью таскаться за этим парнем или, наоборот, он будет ходить за тобой по пятам. Не нравится он мне, как, впрочем, и хозяйка поместья.

– Хозяйка поместья? – Он помолчал немного, как мне показалось, что-то вспоминая. – Возможно, это та самая, которую я видел во время своего третьего путешествия: рыжеватые волосы, карие глаза – одним словом, сучка такая?

– Да, похоже. Джоанна Шампернун, – сказал я.

Мы рассмеялись – обсуждаем дамочку, которой уже несколько веков как нет в живых, с таким азартом, как будто только вчера познакомились с ней на вечеринке.

– Она спорила по поводу поместных земель, – сказал он. – Я, правда, не вникал. Кстати, ты заметил, что мы понимали их без всякого перевода, хотя они разговаривали, насколько я могу судить, на средневековом французском. Вот тебе еще одна связь между мозгом нашего проводника и нашим собственным. Покажи нам сейчас текст на староанглийском, или на норманнском диалекте французского языка, или на корнуоллском диалекте, мы бы не поняли ни слова.

– Да, ты прав, – сказал я, – мне это в голову не приходило. Магнус...

– Да?

– Меня все-таки немного беспокоит побочное действие. Я вот что хотел сказать: слава богу, сегодня у меня нет ни тошноты, ни головокружения, но зато невероятное возбуждение – настолько, что я несколько раз превысил скорость, когда возвращался домой.

Он ответил не сразу, а когда заговорил, его голос звучал довольно осторожно:

– Видишь ли... отчасти именно поэтому нам и необходимо испытать препарат. Не исключено, что он может оказывать наркотическое воздействие.

– Что ты конкретно имеешь в виду? Какое наркотическое воздействие?

– То, что сказал. Дело не только в естественном волнении по поводу самого опыта, который, как мы оба знаем, никто до нас не ставил, но и в определенной стимуляции того участка мозга, на который воздействует препарат. Я и раньше предупреждал тебя о возможной опасности получить увечье: в этом состоянии легко можно попасть под машину... и всякое такое. Нужно отдавать себе отчет в том, что, когда ты находишься под действием препарата, какая-то часть мозга отключается. Функциональная его часть продолжает контролировать твои действия – как у водителя при высоком проценте алкоголя в крови: он может благополучно избежать аварии, хотя в этом случае опасность, конечно, всегда есть. По-видимому, никакой системы предупреждения между этими двумя отделами мозга не существует. А может, и существует. Это все я и хочу выяснить.

– Да, – произнес я. – Понимаю. – Я вдруг почувствовал невероятную опустошенность. То возбужденное состояние, в котором я пребывал по дороге домой, конечно же, было ненормальным. – Пожалуй, сделаю перерыв, – сказал я. – Нужно обождать, раз ты не можешь гарантировать полной безопасности.

Он опять ответил не сразу.

– Это, конечно, решать тебе, – сказал он. – Тебе нужно самому все взвесить. Еще вопросы будут? А то мне пора обедать.

Будут ли у меня вопросы... Десятки, сотни. Но они все придут мне в голову, когда он повесит трубку.

– Да, – сказал я. – До того как ты совершил первое путешествие, ты знал, что когда-то в твоём доме жил Роджер?

– Нет, конечно, – ответил он. – Мать как-то рассказывала о Бейкерах, живших здесь в семнадцатом веке, и о Рэшли, которые владели этим домом после них. Но мы абсолютно ничего не знали об их предшественниках, хотя у отца и было смутное подозрение, что фундамент дома датируется четырнадцатым веком. Не знаю, откуда он это взял.

– Значит, поэтому ты именно в прачечной устроил чулан Сине́й Бороды?

– Да нет. Просто это помещение показалось самым подходящим, и глиняный очаг мне очень нравится. Если разжечь огонь, он долго хранит тепло, так что, когда я одновременно

ставлю несколько опытов, я могу держать там составы, и они долго будут сохранять высокую температуру. Идеальные условия. И вообще, ничего страшного там нет. Пойми, дружище, этот эксперимент – не погоня за призраками. И духов из далекого прошлого мы тоже не вызываем.

– Да, это я понимаю, – сказал я.

– Как бы попроще тебе объяснить? Ну, вот представь, что ты сидишь в кресле перед телевизором и смотришь какой-нибудь старый фильм. Но герои ведь не выскакивают с экрана и не преследуют тебя, хотя многие актеры, исполнявшие их роли, уже давно отошли в мир иной. По сути, это то же самое, что ты испытал сегодня. Роджер, наш проводник, и его друзья жили очень давно, но они прекрасно и правдиво воссозданы сегодня.

Я понимал, что он хочет сказать, но все было не так просто, как он пытался изобразить. Тут скрывался более глубокий смысл, а психологическое воздействие и сравнить нельзя: ты ощущал себя не зрителем, не сторонним наблюдателем происходящего, а его участником.

– Хорошо бы побольше узнать о нашем проводнике, – сказал я. – Думаю, об остальных мне удастся получить информацию в библиотеке Сент-Остелла. Я говорил тебе, что уже нашел там семейство Карминоу – Джона, его старшего брата Оливера и жену Оливера, Изольду. Но какой-то управляющий по имени Роджер – это задача потруднее. Навряд ли он фигурирует в генеалогиях.

– Наверно, нет, хотя кто знает. У одного из моих студентов приятель работает в Государственном архиве и в Британском музее, и я уже забросил удочку по поводу нашего дела. Я не стал ему объяснять, зачем мне это надо, просто попросил найти мне в документах четырнадцатого века именные податные списки по тайуордретскому приходу. Думаю, ему нетрудно будет отыскать нужный список в Переписной книге за 1327 год – это приблизительно то время, которое нам нужно. Если что-нибудь отыщется, я тебе сообщу. Есть новости от Виты?

– Нет.

– Жаль, что ты не договорился отправить мальчиков к ней в Нью-Йорк, – сказал он.

– Больно дорого. Кроме того, тогда мне пришлось бы туда лететь.

– Ну, придумай, как их задержать подольше. Скажи, что испортился водопровод, – это ее напугает.

– Виту ничто не напугает, – ответил я. – Она притащит сюда какого-нибудь водопроводчика из американского посольства.

– Тогда надо спешить, пока она не приехала. Я сам тоже буду думать. А сейчас послушай внимательно: ты видел пузырек с буквой В рядом с составом А, который ты принимал?

– Да.

– Упакуй его как следует и пришли мне. Я хочу его испытать.

– Ты что, собираешься провести опыт в Лондоне?

– Не на себе, а на молодой здоровой обезьяне. Средневековых предков она, конечно, не увидит, но зато мы выясним, не появятся ли у нее признаки головокружения. Пока.

Магнус, по своему обыкновению, резко повесил трубку, а я, как всегда, остался ни с чем. Так было каждый раз, когда мы встречались, чтобы поговорить или провести вместе вечер: сначала он увлекает тебя, излучая заряды энергии, так что теряешь счет часам, затем вдруг вскакивает, хватается такси и исчезает на несколько недель кряду. А я один бесцельно бреду домой.

– Ну и как твой профессор? – с нескрываемой иронией и даже ехидством спрашивала меня Вита, когда я возвращался домой, проведя вечер в компании Магнуса, – особенно язвительно звучало, конечно же, «твой профессор».

– Как обычно, – отвечал я. – Полон невероятных идей, одна другой интереснее.

– Я рада, что ты хорошо провел вечер, – звучало в ответ, однако с таким сарказмом, будто она ни минуты не сомневалась, что ничего хорошего не было.

Однажды, когда я засиделся дольше обычного и явился домой около двух часов ночи несколько навеселе, она сказала мне, что Магнус выкачивает из меня все и что я делаюсь похож на шар, из которого выпустили воздух.

Тогда произошла наша первая ссора, и я не знал, что мне делать. Она ходила по гостиной взад и вперед, без конца поправляла диванные подушки, вытряхивала пепельницу со своими же окурками, в то время как я, надувшись, сидел на диване. Мы легли в постель, не проронив ни слова, но на следующее утро, к моему полному удивлению и невероятному облегчению, она вела себя так, будто ничего не случилось, – сама теплота и нежность. О Магнусе даже не вспоминали, но для себя я решил, что впредь буду ужинать с ним, только если ее не будет дома.

Сегодня, когда Магнус повесил трубку, я не чувствовал себя как проколотый воздушный шар (кстати, если вдуматься, не очень приятное сравнение – вызывает ассоциации со зловонной отрыжкой и вообще с чем-то малоаппетитным). Просто возбуждение прошло, да и немного было не по себе – почему это он вдруг решил испытать состав В? Может, он хочет сначала убедиться в своих догадках на несчастной обезьяне, перед тем как подвергнуть меня, подопытного кролика, каким-то более серьезным испытаниям? Да, но во флаконе А еще достаточно содержимого, и я мог бы продолжить...

Все эти мысли не давали мне покоя. Продолжить? Как алкоголик, которому уже не вмогучу – лишь бы только выпить. И я вспомнил слова Магнуса о том, что, возможно, препарат обладает наркотическим эффектом. Вероятно, еще и поэтому Магнус хотел сначала испытать его на обезьяне. И я представил, как бедное животное с мутными глазами мечется по клетке в ожидании следующего укола.

Я достал из кармана фляжку и хорошенько прополоскал ее. Однако обратно на полку не поставил, поскольку миссис Коллинз могло взбрести в голову куда-нибудь ее убрать, и тогда, если вдруг она мне понадобится, придется выяснять, где она, а это уже совсем ни к чему. Ужинать было еще рано, но поднос с ветчиной, салатом, фруктами и сыром выглядел так соблазнительно, что я решил отнести его в музыкальный салон и провести весь вечер у камина.

Я взял наугад несколько пластинок и начал ставить одну за другой на проигрыватель. Но какие бы звуки ни наполняли комнату, мысленно я все время возвращался к тому, что увидел в тот день: прием в монастыре, свежевание туш на деревенском лугу, музыкант в капюшоне с двумя рогами в руках, в окружении детей и лающих собак, и, конечно же, та молодая женщина с косами и с украшенным драгоценными камнями обручем – та, у которой шестьсот лет назад был такой скучающий вид, пока один мужчина не сказал ей каких-то слов, которых я не смог расслышать, а она в ответ подняла голову и улыбнулась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро на подносе с завтраком я обнаружил письмо от Виты. Оно было написано в доме ее брата на Лонг-Айленде. Вита сообщала, что стоит страшная жара и они весь день не вылезают из бассейна и что Джо на этой неделе нанял яхту и везет свою семью в Ньюпорт. И как жаль, что мы раньше не знали о его планах – я бы привез мальчиков, и мы все лето были бы вместе. А теперь уже поздно, ничего не изменишь. Остается надеяться, что в доме профессора тоже неплохо отдохнем – кстати, а как там всё? Может, нужно привезти запас продуктов из Лондона? Она вылетает из Нью-Йорка в среду и надеется, что в лондонской квартире ее будет ждать мое письмо.

Сегодня как раз среда. Она прилетает в Лондон приблизительно в десять вечера, и никакого письма в квартире не обнаружит, потому что я ждал ее только в конце недели.

Мысль о том, что уже через несколько часов Вита будет в Англии, просто потрясла меня. Я-то считал, что у меня в запасе еще несколько дней и я могу ими распорядиться, как мне заблагорассудится, так нет же: теперь начнутся бесконечные телефонные звонки, требования и вопросы – в общем, семейная жизнь со всеми ее прелестями. Пока она не позвонила, я срочно должен что-то придумать, хотя бы на несколько дней задержать ее и мальчиков в Лондоне.

Магнус предложил вариант с водопроводом. Может быть, он не так уж и плох, но, с другой стороны, когда Вита в конце концов приедет, она, естественно, начнет расспрашивать обо всем миссис Коллинз, и та вылупит глаза от удивления. А может быть, сказать, что комнаты еще не готовы? Нет, это, конечно, заденет миссис Коллинз и отрицательно скажется на дальнейших отношениях между двумя дамами. Может быть, свалить все на электричество? Нет, ничем не лучше водопровода. Больным прикинуться я тоже не могу, поскольку тогда-то уж она точно примчится – закутает меня в одеяла и повезет в лондонскую больницу. Она доверяла только самым престижным клиникам. Но я должен, должен что-нибудь придумать, хотя бы ради Магнуса. Я здорово его подведу, если после таких удачных двух попыток неожиданно придется прервать эксперимент.

Сегодня среда. Так. Значит, можно провести эксперимент в среду, в четверг сделать перерыв, затем эксперимент в пятницу, в субботу перерыв, снова эксперимент в воскресенье. И если Вита все же решит непременно приехать в понедельник, пусть приезжает. Таким образом, я мог бы совершить еще три «путешествия» (правильное слово наркоманы нашли), при условии, конечно, что все пойдет по плану и я правильно рассчитаю время и не буду делать глупостей – тогда и побочные явления будут сведены к нулю, как вчера, за исключением разве что чрезмерного возбуждения, которое я, несомненно, тут же распознаю и приму соответствующие меры предосторожности. Во всяком случае, в настоящий момент никакого возбуждения я не испытывал: от письма Виты, наоборот, я несколько приуныл, и, по-видимому, из этого состояния мне сегодня уже не выйти.

Позавтракав, я сообщил миссис Коллинз, что вечером моя жена прибывает в Лондон и, возможно, на следующей неделе, в понедельник или во вторник, она с мальчиками приедет сюда. Миссис Коллинз тут же составила список продуктов, которые нужно закупить. Так что у меня появился хороший повод съездить в Пар, а заодно и обдумать текст письма Вите, которое она получит завтра утром.

Первый, с кем я столкнулся в бакалейной лавке, был викарий из церкви Святого Андрея: он тут же подошел ко мне поздороваться. На этот раз я представился (лучше поздно, чем никогда) – сказал, что меня зовут Ричард Янг и что, расставшись с ним у церкви, я последовал его совету и тотчас отправился в библиотеку Сент-Остелла.

– Вы все же настоящий энтузиаст, – с улыбкой сказал он. – Вам удалось найти то, что вас интересует?

– Да, кое-что, – ответил я. – Я не обнаружил там наследственной владелицы этих земель Изольды де Кардингем, зато нашел ее внучку Изольду Карминоу, дочь Рейнольда Феррерса из Девона.

– Подождите, подождите... Рейнольд Феррерс, – сказал он. – Если я не ошибаюсь, это сын сэра Уильяма Феррерса, который женился на Изольде де Кардингем. Так значит, ваша Изольда – их внучка. Я знаю, что старшая Изольда продала поместье Тайуордрет за сто фунтов стерлингов одному из Шампернунов – это было в 1269 году, незадолго до ее брака с Уильямом Феррерсом. Неплохая сумма по тем временам.

Я быстро подсчитал в уме. Получалось, что моя Изольда навряд ли могла родиться раньше 1300-го. На приеме у епископа она выглядела не старше двадцати восьми, а следовательно, это было приблизительно в 1328 году.

Я обошел с викарием весь магазин, пока тот выбирал, что ему нужно купить.

– А вы и сейчас отмечаете в Тайуордрете Мартынов день? – спросил я.

– Мартынов день? – повторил он рассеянно: он не знал, какое выбрать печенье. – Простите, я не совсем внимательно слушал вас. До Реформации это действительно был большой праздник. Мы отмечаем день святого Андрея – обычно в середине июня устраиваем большой церковный праздник.

– Извините, – пробормотал я, – у меня все праздники перепутались. Дело в том, что сам я получил католическое воспитание: обучался в Стоунхерсте, и, помнится, канун дня святого Мартына всегда был каким-то особенным...

– Вы абсолютно правы, – прервал он меня, улыбаясь. – Но, скорее всего, вы тогда отмечали День перемирия – одиннадцатое ноября, не так ли? Он еще называется Мирное воскресенье. Но раз вы католик, мне понятно, почему вас так интересует старый монастырь.

– Я уже давно не хожу в церковь, – признался я, – но вы правы. Старые привычки неистребимы. А вы когда-нибудь устраиваете ярмарки на деревенском лугу?

– Нет, – сказал он обескураженно, – и, честно говоря, я не знаю никакого такого деревенского луга в Тайуордрете. Извините...

Он нагнулся и стал вынимать из корзины покупки, и продавец переключил свое внимание на меня. Я показал ему список миссис Коллинз, а викарий, пожелав мне всего доброго, вышел из магазина. Наверное, он принял меня за сумасшедшего, а может быть, за одного из чудаковатых друзей профессора Лейна. Я забыл, что канун Мартынова дня – это как раз 11 ноября. Странное совпадение: тогда – убой скота, а в нашем времени – поминовение бесчисленного количества убиенных на войне. Нужно сказать Магнусу.

Я вышел из бакалейной лавки, свалил покупки в багажник и поехал из Пара в Тайуордрет. Но на этот раз я не стал, как накануне, останавливаться у мужской парикмахерской, а медленно поехал вверх по центральной улице деревни, пытаясь определить, где же находился деревенский луг. Однако из этого ничего не получилось. Справа и слева от меня тянулись дома; на вершине холма дорога разветвлялась: направо – на Фой, а налево, как значилось на указателе, – на Тризмилл. Отсюда, с вершины этого холма, вчера спускался епископский кортеж и ехали крытые экипажи, украшенные фамильными гербами Карминоу, Шампернунов и Бодруганов. Если эта развилка существовала в те дни, сэр Джон Карминоу, возвращаясь домой, должен был поехать направо, на Лостуитиел, и далее в свое поместье Бокенод, где в ожидании родов маялась его супруга. Сегодня Бокенод называется Боконнок – это обширные земли в нескольких милях от Лостуитиела: по пути из Лондона я проезжал ворота на территорию усадьбы. Где же тогда жил главный владелец всех здешних земель сэр Генри де Шампернун? Его жена Джоанна сказала управляющему, моему проводнику Роджеру: «Бодруганы сегодня ночуют у нас». Так где же находилась его усадьба?

На вершине холма я остановил машину и посмотрел вокруг. В самой деревне Тайуордрет не видно было ни одного большого дома. Некоторые постройки, возможно, относились к концу

восемнадцатого века – самое раннее. По логике вещей, помещичьи усадьбы не могли исчезнуть бесследно – разве что случится пожар, но даже, если дом сгорал дотла или от старости рушились стены, все равно впоследствии хотя бы фундамент обязательно использовался: на нем, как правило, возводился фермерский дом, владельцы которого обрабатывали бывшие поместные земли. Шампернуны должны были построить свою усадьбу где-то здесь, в радиусе одной или двух миль от монастыря и церкви; правда, они могли жить и в старом доме, который Изольда Кардингом продала им вместе с землей в 1269 году. Вон туда, вниз по дороге, идущей от развилки налево – на Тризмилл, согласно современному указателю, проехала в своем нарядном экипаже, возвращаясь с приема в монастыре, Джоанна, сгоравшая от нетерпения побыстрее оказаться дома, и вместе с ней ее печальный супруг сэр Генри и их сын Уильям, а следом – ее брат Отто Бодруган с женой Маргарет.

Я взглянул на часы. Было начало первого, и миссис Коллинз, наверное, уже заждалась меня с продуктами, да и обедать пора. К тому же я должен написать письмо Вите.

Сразу после обеда я уселся за письмо. На его сочинение я потратил не менее часа. Не могу сказать, чтобы я остался доволен результатом, но все же надеялся, что оно сработает.

Дорогая, – писал я. – Сегодня утром получил твое письмо, и только тут до меня дошло, что ты прилетаешь уже сегодня и, значит, мой ответ получишь лишь завтра. Прости, если я сбиваю твои планы. Дело в том, что здесь оказалось немало работы по дому, и, чтобы привести его в надлежащий вид и подготовить к вашему приезду, я тружусь не покладая рук. Миссис Коллинз, прислуга Магнуса из местных, мне очень помогает, но ты можешь представить себе, что такое холостяцкий дом, к тому же Магнус не появлялся здесь с Пасхи, – в общем, дел более чем достаточно. Да еще Магнус попросил меня разобрать его бумаги и кое-что сделать: у него здесь в лаборатории масса всяких научных материалов, причем трогать ничего нельзя, так что нужно было спрятать все в надежное место. Он попросил меня об этом в качестве личного одолжения, и я, понятно, не мог ему отказать – все-таки он предоставил нам дом совершенно бесплатно. Будем считать, что это, так сказать, услуга за услугу. Думаю, к понедельнику я управлюсь, но ближайшие дни, включая субботу и воскресенье, я еще должен поработать. Кстати, погода отвратительная. Вчера не переставая лил дождь, так что пока ты ничего не теряешь, но местные обещают, что со следующей недели погода установится.

О продуктах не беспокойся: миссис Коллинз уже обо всем позаботилась, она прекрасно готовит – на этот счет можешь не волноваться. Думаю, тебе не составит труда занять чем-нибудь мальчиков в Лондоне: пусть походят по музеям, посмотрят, что они еще не видели, а ты, конечно, захочешь встретиться с друзьями. Так что, дорогая, жду вас на следующей неделе, и к тому времени, обещая, будет полный порядок.

Рад, что ты хорошо провела время у Джо. Да, ты права: неплохо, наверное, было бы, если бы я поехал с мальчиками в Нью-Йорк. Но что теперь об этом говорить – все мы крепки задним умом. Надеюсь, дорогая, перелет не слишком тебя утомил. Получишь письмо – позвони.

Люблю. Целую. Дик

Я перечитал письмо дважды. Во второй раз оно показалось мне лучше: звучало вполне правдоподобно. Я ведь и в самом деле выполнял поручения Магнуса. Когда я вру, я предполагаю, чтобы ложь опиралась на фактическую основу – и совесть не так мучает, и чувство справедливости не слишком страдает. Я наклеил марку и положил конверт в карман, но тут же вспомнил, что Магнус просил прислать ему в Лондон пузырек В из лаборатории. После недолгих поисков я нашел маленькую коробочку, бумагу, веревку и спустился в лабораторию. Я сравнил пузырьки А и В – на вид никакой разницы. В кармане пиджака со вчерашнего дня лежала фляжка, и я быстро отлил в нее необходимое количество состава из пузырька А. Теперь я мог сам решать, принимать мне его или нет, и если да, то в какой момент.

Потом я запер лабораторию, поднялся наверх в библиотеку и посмотрел в окно – узнать, какая погода. Дождь перестал, и небо постепенно расчищалось, тучи уходили к морю. Я тщательно упаковал пузырек В и поехал в Пар на почту – отправить бандероль и опустить письмо. Сейчас меня гораздо меньше интересовало, что же скажет Вита, прочитав мое послание, чем то, как будет вести себя обезьяна во время своего «путешествия» в неведомый мир. Покончив с делами, я поехал через Тайуордрет и на развилке свернул налево, к Тризмиллу.

Дорога была узкая и круто спускалась вниз к долине, по обе стороны от нее простирались поля, а в самом низу, где уклон был особенно резкий, вдруг выныривала на горбатый мост, под которым проходила железная дорога, соединяющая Пар с Плимутом. Я притормозил у моста и услышал гудок паровоза, которого еще не мог видеть, поскольку он выходил из туннеля справа от меня, но через несколько минут, грохоча, появился и сам поезд, он прошел под мостом и сразу повернул, направляясь через долину к Пару. Вновь в памяти всплыли наши студенческие годы. Мы с Магнусом всегда приезжали сюда на поезде, и, как только он выходил из туннеля на отрезке между Лостуитиелом и Паром, мы обычно снимали с полки чемоданы. Мне хорошо были знакомы тогда и эти поля на высоких крутых склонах слева от состава, и долина справа, поросшая тростником и приземистыми ивами, – и вот уже станция, где на большой черной доске белыми буквами написано: «ПАР. ПЕРЕСАДКА НА НЬЮКЭЙ». Это означало, что мы приехали.

Теперь, наблюдая, как поезд исчезает за поворотом в долине, я совсем другими глазами смотрел на эту местность – по-видимому, появление железной дороги приблизительно сто лет назад не могло не сказаться на ландшафте, на рельефе холмов, ведь дорога была буквально врезана в склон. А кроме железной дороги, я обнаружил и другие следы насильственного вторжения в эту местность. Открытые карьеры обезобразили противоположную сторону долины в верхней ее части, где столетие назад всю действовали шахты по добыче железной и медной руды. Я помню, как капитан Лейн рассказывал однажды за ужином, что во времена королевы Виктории на рудниках работали сотни людей, а когда промысел пришел в упадок, многие шахтеры покинули этот район, другие устроились на более перспективные каолиновые разработки.

Когда поезд скрылся из виду и грохот колес затих, в долине вновь наступила полная тишина, полная неподвижность, только лениво передвигались стада коров, пасущихся на низинных лугах у подножия холма. Я с выключенным двигателем медленно катил по дороге до того места, где снова начинался резкий подъем вверх, уже на противоположной стороне долины. Здесь через луг протекал тихий ручей, через который был перекинут низкий мост, и тоже паслись коровы, а чуть выше, справа от дороги, находились старые фермерские постройки. Я опустил стекло и посмотрел вокруг. От фермы с лаем бежал пес, за ним следовал человек с ведром в руке. Я выглянул из окна и спросил, не Тризмилл ли это.

– Да, правильно, – ответил он. – Если поедете прямо, попадете на шоссе из Лостуитиела в Сент-Блейзи.

– А вы не знаете, – спросил я, – где тут старая мельница?

– От нее ничего не осталось, – ответил он. – Вон там, где то здание, и была мельница. Да сами видите, что осталось от реки. Главное русло давно изменили, еще до моего рождения. Говорят, пока не построили мост, здесь был брод. Река текла прямо поперек этой дороги, и чуть не вся долина была затоплена водой.

– Да, – сказал я, – да, вполне возможно.

Он указал на небольшой дом, стоявший по другую сторону ручья.

– А здесь когда-то была пивная, – пояснил он, – когда вели разработку на шахтах в Лейн-скоте и Каррогете. В субботу вечером там собирались шахтеры – так мне рассказывали. Да, не много уж осталось людей, кто еще помнит старые времена.

– А вы не знаете, – спросил я, – нет тут в долине какого-нибудь фермерского дома, который когда-то, в старые времена, мог служить помещичьей усадьбой?

Он ненадолго задумался, потом ответил:

– Там, позади нашей фермы, есть ферма Тривенна, прямо на дороге в Стоунибридж, но я не слышал, чтобы их дом был старый; потом Тринадлин и еще, конечно, Триверран – вон там, в долине, недалеко от туннеля. У них, пожалуй, старый дом, даже очень, построен сотни лет назад.

– А не знаете точно, когда он построен? – спросил я, заинтересовавшись.

Он снова задумался.

– Однажды о Триверране даже в газете писали, – сказал он. – Приезжал какой-то господин из Оксфорда, специально взглянуть на него. Если не ошибаюсь, вроде бы говорили, что он построен в 1705 году.

Мой интерес сразу угас. Постройки времен королевы Анны, железные и медные рудники, пивная через дорогу – все это возникло много столетий спустя, гораздо позже того времени, которое меня интересовало. Наверное, такие же чувства испытывает археолог, обнаруживший, что вместо стоянки бронзового века он раскопал позднеримскую виллу.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – сказал я. – Всего вам доброго.

Я развернул машину и поехал назад, вверх по склону холма. Если Шампернуны в 1328 году спускались по этой дороге, путь им должен был преградить ручей с мельницей; может быть, правда, через него тогда был перекинут мост – разумеется, другой, старый, а не тот, который я только что видел. Проехав полпути до вершины холма, я свернул влево на проселочную дорогу и вскоре, как мне и говорили, увидел три фермы. Я достал карту. Проселочная дорога, на которой я стоял, на вершине холма соединяется с главной – длинный туннель, вероятно, проходил глубоко внизу под этой дорогой (поистине впечатляющее достижение инженерной мысли). Так, все правильно: справа ферма Тривенна, впереди Тринадлин, а третья, у самой железной дороги, должно быть, Триверран. Что же мне делать, спрашивал я сам себя, – объезжая их по очереди, стучаться в каждую дверь и говорить: «Вы не против, если я у вас тут посижу с полчаса, „задвину дозряк“, как говорят наркоманы, и посмотрю, что будет дальше?»

Что ни говори, археологам все-таки легче. Раскопки всегда кто-то финансирует, вокруг тебя теплая компания таких же энтузиастов, и никакого риска, что к концу дня ты попадешь в психушку.

Я развернулся и поехал назад по той же проселочной дороге, потом вверх, к вершине холма на Тайуордрет. На полпути до вершины мне перекрыла дорогу машина с домом-фургоном на прицепе, которая пыталась въехать в ворота небольшого дома у дороги. Я затормозил, практически съехав в кювет, чтобы дать возможность водителю продолжать свой маневр. Он прокричал мне свои извинения и в конце концов успешно припарковался у самого дома.

Выйдя из машины, он направился в мою сторону и еще раз извинился.

– Теперь наконец можете спокойно ехать, – сказал он. – Простите, что задержал.

– Ничего страшного, – ответил я, – мне не к спеху. Ловко вы справились с этим фургоном.

– Да, привык уже, – сказал он. – Сам-то я живу в этом доме, но летом, когда люди приезжают на отдых, фургон нас очень выручает.

Я взглянул на табличку над воротами.

– Нижняя часовня, – произнес я. – Необычное название для дома.

Он широко улыбнулся.

– Сначала нам тоже так показалось, когда мы только строили этот дом, – сказал он. – Но потом решили оставить старое имя – испокон веку это место называется Нижняя часовня, а поля за дорогой – Церковный парк.

– Это как-то связано со старым монастырем? – спросил я.

Он не отреагировал.

– Раньше здесь стояло несколько домов, – сказал он, – один, кажется, был молельным домом методистов. Но поля получили свое название гораздо раньше.

Из дома вышла его жена с детьми, и я завел машину.

– Путь свободен, – повторил он, и я, выехав из кювета, направился дальше, вверх по дороге, к повороту, за которым дом уже не был виден. Тогда я развернулся и заехал на стоянку у обочины справа, где была свалена груда камней и бревен.

И вот я на вершине холма. Тут дорога поворачивала и бежала вниз, к Тайуордрету, – уже можно было внизу разглядеть несколько домиков. Нижняя часовня... Церковный парк... Неужели здесь раньше находилась часовня? Может, она стояла на месте дома, где живет владелец фургона, а может, прямо здесь, возле парковки, где сейчас красуется только что отстроенный дом?

Внизу, за домом, видны были закрытые ворота, которые вели прямо в поле. Я перелез через них и пошел вдоль живой изгороди, огибавшей поле, все ниже и ниже, пока не убедился, что теперь меня никто не увидит с дороги. По словам владельца фургона, это поле называлось Церковный парк. Ничего примечательного, правда, я в нем не нашел. У дальнего края паслись коровы. Я дошел до нижней границы и, пробравшись сквозь густые кусты, обнаружил, что попал на поросшую травой площадку, за которой сразу начинался обрыв: внизу, в нескольких сотнях футов, проходила железная дорога, и вся долина лежала передо мной как на ладони.

Я закурил и неторопливо осмотрелся. Ни одной часовни на горизонте, но зато какой вид! Справа от меня, в отдалении, ферма Тризмилл, пониже – две другие, все три хорошо защищены от ветра и непогоды; прямо подо мной – железная дорога, а еще ниже – поразительная панорама долины: здесь уже не было пахотных земель, и долина представляла собой сплошной ковер, сотканный из крон ивы, березы и ольхи. Истинный рай для птиц весной и прекрасное место для мальчишек, где можно спрятаться от неусыпного родительского ока, – правда, нынче мальчишки уже не охотятся за птичьими гнездами, по крайней мере мои пасынки точно.

Я устроился на траве и, опершись на живую изгородь, докуривал сигарету, как вдруг вспомнил, что у меня в нагрудном кармане лежит фляжка. Я вынул ее и некоторое время разглядывал. Она была небольшая, удобная, и я подумал, не иначе она досталась Магнусу от отца – хорошо держать ее при себе во время плавания и, когда крепчает ветер, взбодрить себя глотком рома. Вот если бы Вита раздумала лететь и решила добираться пароходом, у меня было бы в запасе еще несколько дней... Громкий стук колес вернул меня к действительности, и я взглянул вниз, на долину. Паровоз, один, без вагонов, похожий на шустрого жирного слизняка, мчался с невероятной скоростью – сначала над ивами и березами, затем прогромыхал под мостом и наконец исчез в зияющей пасти туннеля в миле от меня. Я отвинтил колпачок и залпом выпил все содержимое фляжки.

Ну и ладно, думал я, и пусть. Пусть я извращенец. Вита все равно пока еще летит над Атлантикой. И я закрыл глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я рассчитывал, что на этот раз, если сидеть спокойно, с закрытыми глазами, удобно откинувшись на изгородь, может быть, удастся уловить сам момент перехода из одного времени в другое. В обоих предыдущих случаях смена декораций заставляла меня в процессе движения: в первый раз я шел по полю, во второй – по кладбищу. Теперь же все должно быть иначе, поскольку я настроился не пропустить момент начала действия препарата. Теперь я знал, чего ждать: наступит ощущение благодати, как будто с души свалилась тяжесть, и одновременно невероятной легкости, словно я стал невесомым. Сегодня все мне благоприятствовало: не было ни внутреннего страха, ни наводящего уныние дождя. Стало тепло – наверно, из-за туч уже выглянуло солнце: даже сквозь закрытые веки я ощущал яркий свет. Я в последний раз затаился и выбросил окурок.

Если бы мое блаженное состояние продлилось подольше, я вполне мог бы уснуть. Даже птицы радовались появлению солнца – я слышал, как где-то в кустах у меня за спиной пел дрозд, и уж совсем меня порадовал крик кукушки, раздавшийся сначала довольно далеко, в долине, а затем совсем рядом. Как я любил эти звуки! Нахлынули воспоминания детства, когда тридцать лет назад я, счастливый и беззаботный, бродил по лесам. Вот она опять прокуковала, теперь уже прямо у меня над головой.

Я открыл глаза и стал наблюдать за ее причудливым полетом, и вдруг, не сводя с нее глаз, вспомнил, что ведь уже конец июля. Короткое кукушечье лето в Англии заканчивается в июне, как, впрочем, и пение дрозда, да и примулы, пестреющие в траве вокруг меня, должны были отцвести еще к середине мая. И неожиданное тепло, и яркий свет принадлежали уже другому миру и говорили о том, что на дворе ранняя весна. Значит, оно свершилось, а я так и не уловил этот момент, не зафиксировал в сознании, несмотря на мою полную готовность. И опять все склоны холма были окрашены в этот ярко-зеленый цвет, который так поразил меня в первый раз, а долина с ковром из ив и берез была погребена под водами гигантского извилистого морского рукава, врезавшегося в сушу и обрамленного песчаными отмелями. Я встал и увидел Тризмилл, а чуть ниже – реку, которая в этом месте сужалась и сливалась с пенящимся потоком, вырывающимся из-под лопасти мельничного колеса. Фермерский дом выглядел совсем по-другому: теперь он был вытянутый, с соломенной крышей; густые дубовые леса покрывали горы напротив, и зелень была свежая, нежная – весенняя.

Прямо подо мной, там, где в моем времени был обрыв и внизу железная дорога, простирался гораздо более отлогий склон, и посередине его проходила широкая дорога, ведущая к морскому рукаву, прямо к причалу, возле которого на якоре стояли суда. В этой части залив был достаточно глубоким и образовывал естественную гавань. В центре фарватера стоял большой корабль с приспущенными парусами. С его борта доносилось пение. Затем я увидел, как от него отчалила небольшая шлюпка, – видимо, чтобы доставить кого-то на берег. Человек в шлюпке поднял руку, требуя внимания, и пение тут же прекратилось. Я осмотрелся: живой изгороди не было и в помине, склон у меня за спиной порос густым лесом, как и тот, что напротив, а слева, где только что росли кусты и утесник, теперь тянулась длинная каменная стена. За ней, в глубине, стоял дом – из-за деревьев выглядывала верхушка его крыши. От причала вверх, к дому, вилась тропа.

Я подошел ближе к краю и посмотрел вниз: человек вылез из шлюпки на причал и начал взбираться по тропе, направляясь прямо ко мне. Снова закуковала кукушка – вот она пролетела низко над землей. Человек остановился, поднял голову и проводил ее взглядом, заодно переводя дух после быстрого подъема. Все его действия были такими естественными и обыденными, что, сам не знаю почему, я сразу проникся к нему симпатией, – впрочем, может быть, именно потому, что он-то как раз и был живым, а я лишь неким призраком из другого времени.

Интересно, что всякий раз я попадал в новый временной отрезок: вчера была осень, Мартынов день, а сегодня, судя по кукушке и цветущим примулам, настоящая весна.

Он поднимался все выше и был уже довольно близко, и тут я сообразил, кто это, хотя выражение его лица было гораздо серьезней, я бы сказал, мрачней, чем вчера. Мне подумалось, что лица этих людей из прошлого, словно карты из потрепанной пасьянсной колоды – трефы, черви и пики: как ни тасуй, все равно заранее не угадаешь, какая выйдет комбинация. Ни мне, ни им самим не ведомо, как сложится игра.

Это был Отто Бодруган, за ним следом карабкался его сын Генри, и, когда Отто в знак приветствия поднял руку, я тоже инстинктивно махнул рукой в ответ и даже улыбнулся. Конечно, мой жест не имел ни малейшего смысла – отец и сын, чуть не задев меня, проследовали к воротам дома, откуда им навстречу вышел управляющий Роджер. Он, вероятно, стоял там давно, наблюдая, как они приближаются, но я не видел его. Ничего общего с царившей вчера праздничной атмосферой, никакой насмешливой улыбки на лице вчерашнего претендента на роль любовного посредника. Все трое были одеты в темные туники, и все были одинаково серьезны и собраны.

– Что нового? – спросил Бодруган.

Роджер покачал головой:

– Он быстро угасает. Надежды почти никакой. Моя госпожа, Джоанна, и вся семья в доме. Из Бера приехал сэр Уильям Феррерс с супругой Матильдой. Сэр Генри не испытывает страданий, мы позаботились об этом, – вернее, мы должны благодарить за это брата Жана, который не отходит от постели больного ни днем ни ночью.

– Но все же что с ним?

– Ничего нового, просто общая слабость да простуда, которую он подхватил во время последних заморозков. Он бредит, говорит о своих страшных грехах и просит его простить. Приходский священник исповедовал его, но этого ему показалось недостаточно, и он настоял, чтобы его еще исповедовал и брат Жан.

Роджер отошел в сторону, пропуская Бодругана и его сына в ворота. Теперь можно было как следует разглядеть дом: сложенный из камня, с черепичной крышей, он стоял в глубине двора. В покои второго этажа вела наружная лестница – такие лестницы в наше время используют в фермерских амбарах. За домом находилась конюшня, и за каменной оградой, извиваясь, бежала вверх дорога на Тайурдрет – там, в крытых соломой жилищах, обитали крестьяне, те, кто обрабатывал все эти земли по обеим сторонам дороги.

При нашем приближении во двор с лаем выбежали собаки, но Роджер прикрикнул на них, и они, поджав уши, приникли к земле; из-за дома вышел слуга с испуганным выражением лица и увел их. Бодруган и его сын Генри в сопровождении Роджера прошли через двор к дому, а я, как тень, неотступно следовал за ними. Мы вошли в длинный, во всю ширину дома, зал со створчатыми окошками по обеим сторонам, на восточной стене они выходили во двор, на западной – прямо на залив. В дальнем конце зала был открытый очаг, в котором едва тлел уложенный горкой торф, а поперек зала стоял стол и вдоль него – скамьи. Зал был очень темный, отчасти из-за маленьких окон и висевшего в воздухе чада, а отчасти из-за красного цвета стен, придававшего этому помещению торжественный, но мрачноватый вид.

На скамьях, сгорбившись, сидели дети: два мальчика и девочка. Судя по их позам и понурому, подавленному виду, они не столько были удручены горем, сколько растеряны и напуганы близостью смерти. Я узнал старшего – это был Уильям Шампернун, которого представляли епископу. Он встал и первым подошел к дяде и двоюродному брату поздороваться. После некоторого замешательства его примеру последовали и двое младших детей. Отто Бодруган наклонился и обнял всех троих. Затем, как это делают все нормальные дети, когда в напряженную минуту внезапно появляется кто-то из взрослых, они воспользовались случаем, чтобы покинуть комнату, и заодно увели с собой кузена Генри.

Теперь у меня появилась возможность рассмотреть остальных присутствующих. Двоих, мужчину и женщину, я никогда прежде не видел: мужчина светловолосый, с бородой, а женщина тучная, выражение ее лица было крайне неприветливым и ясно говорило, что с ней шутки плохи. Она заранее оделась в траур, готовясь к печальному исходу: белое покрывало на голове и черное платье. По всей видимости, это были сэр Уильям Феррерс, который, как сказал Роджер, поспешно прибыл из Девона, и его жена Матильда. Ну а третью персону я узнал без труда – на низком табурете передо мной сидела моя Изольда. Печальные события нашли весьма своеобразное отражение в ее облике: платье у нее было траурного лилового цвета, но при этом отливало серебром, а волосы, заплетенные в косы, были изящно подвязаны лиловой лентой. Атмосфера, похоже, была накалена до предела, лицо Матильды Феррерс пылало от негодования – казалось, вот-вот разразится скандал.

– Мы ждем тебя целую вечность, – набросилась она на Отто Бодругана, едва тот направился к ней. – Сколько же нужно времени, чтобы переплыть залив? Вы, может, по пути еще и рыбу половить успели?

Он поцеловал ей руку, не обращая внимания на злобный выпад, и посмотрел на человека, стоявшего за ее стулом.

– Как поживаешь, Уильям? – спросил он. – Ровно час от моего причала до здешнего – не так уж и плохо, если учесть, что ветер на траверзе. Верхом было бы дольше.

– Да я-то понимаю, – пробормотал он. – Раньше ты никак не мог прибыть. И в любом случае здесь уже ничем не поможешь.

– Ничем? То есть как? – отозвалась Матильда. – А нас всех поддержать в трудную минуту, скорбеть вместе с нами, выгнать французского монаха, а из кухни вышвырнуть этого пьяницу, приходского священника? Если он не сможет использовать свое право брата и заставить Джоанну прислушаться к голосу разума, то кто же тогда сможет?

Бодруган повернулся к Изольде. Он едва коснулся ее руки, а она даже не подняла головы и не улыбнулась ему. Их сдержанность, несомненно, была вызвана осторожностью: любое слово, сказанное слишком доверительно, могло бы быть превратно истолковано.

Ноябрь... Май... Со времени приема, устроенного в монастыре в честь приезда епископа, прошло целых полгода, которые я перепрыгнул одним махом.

– Где Джоанна? – спросил Бодруган.

– В комнате наверху, – ответил Уильям.

И только тут я заметил его сходство с Изольдой. Это был Уильям Феррерс, ее брат, но только лет на десять-пятнадцать старше: его лицо было испещрено морщинами, волосы припорошены сединой.

– Ты ведь знаешь, что нас беспокоит, – продолжал он. – Генри никого к себе не подпускает, кроме французского монаха Жана. Ни от кого, кроме него, он не принимает помощи, отказался от услуг хорошего лекаря, которого мы привезли с собой из Девона. Теперь уже ясно, что монах не справился: больной без сознания, и конец близок – вероятно, остались считанные часы.

– Но если такова воля Генри и он при этом не испытывает страданий, о чем тогда говорить?

– Потому что все делается не так, как положено! – воскликнула Матильда. – Генри дошел до того, что высказал желание быть похороненным в монастырской часовне. Этого просто нельзя допустить. Всем известна репутация монастыря, недостойное поведение самого приора, распущенность монахов. Нечего сказать, подходящее место, чтобы такой человек, как Генри, – с его-то положением! – обрел там вечный покой. Это значит – опозорить нас на весь белый свет!

– Какой такой свет? – спросил Бодруган. – Этот твой свет охватывает всю Англию или только Девон?

Матильда побагровела.

– Не думай, что мы забыли о твоих подвигах семь лет назад, – сказала она. – Изменник, вставший на сторону развратной королевы, которая осмелилась пойти войной против своего сына, нашего законного монарха, – вот кто ты! Немудрено, что французы имеют в твоём лице надежного союзника, чего ни коснись: ты с одинаковым рвением будешь приветствовать неприятельскую армию, если она одолеет Английский канал³ и вторгнется на наши земли, и защищать распутных монахов какого-то иностранного ордена.

Уильям положил руку жене на плечо, пытаясь ее успокоить.

– Не стоит беречь прошлое, так мы ничего не добьемся, – сказал он. – С кем был Отто во время бунта – сейчас это не важно. Однако... – Он посмотрел на Бодругана. – Матильда кое в чем права. Все же не подобает Шамперну покоем рядом с французскими монахами. Было бы во всех отношениях пристойнее, если бы ты позволил похоронить его в Бодругане, учитывая, что к Джоанне в качестве приданого отошла изрядная часть твоих земель. Я, со своей стороны, почту за честь похоронить его в Бере, в нашей церкви, которую мы сейчас перестраиваем. В конце концов, Генри мой кузен: он мне такой же близкий родственник, как и тебе.

– О, ради бога, – вдруг раздался голос Изольды, – пусть Генри лежит там, где сам того желает. И вообще, не пристало нам делить шкуру неубитого медведя.

Я впервые услышал ее голос. Она, как и все, говорила по-французски сильно гнусавя, но либо потому, что она была моложе других, либо я был просто необъективен, однако мне показалось, что речь ее гораздо музыкальней, а звуки чище. Не успела она договорить, как Матильда вдруг разрыдалась, к полному ужасу ее супруга, а Бодруган отошел к окну и стал угрюмо смотреть на улицу. А сама Изольда, которая вызвала этот всплеск эмоций, нервно постукивала ногой с выражением надменного презрения на лице.

Я оглянулся на Роджера – он с трудом сдерживал улыбку. Затем он сделал шаг вперед и с большим почтением ко всем присутствующим (хотя, как мне показалось, он пытался обратить на себя внимание Изольды) сказал:

– Если вам будет угодно, я доложу госпоже о прибытии сэра Отто.

Его слова остались без внимания, и, приняв молчание за знак согласия, Роджер поклонился и вышел. Он поднялся по лестнице в верхние покои, и я не отставал от него ни на шаг, как будто мы были связаны с ним одной веревкой. Он вошел без стука, откинув тяжелые портьеры, прикрывавшие вход в комнату, которая была размером, наверное, с половину нижнего зала – большую ее часть занимала застеленная кровать. Маленькие окошки почти не пропускали свет, поскольку в них использовался промасленный пергамент, и горящие свечи на столе, стоявшем в изножье кровати, отбрасывали огромные тени на выкрашенные в желтый цвет стены.

В комнате находились трое: Джоанна, монах и умирающий. Безжизненное тело Генри де Шампернуна было обложено подушками – казалось, что он сидит, подбородком почти касаясь груди; голова его была обмотана белой тканью наподобие тюрбана, который придавал ему нелепое сходство с арабским шейхом. Глаза были закрыты, и, судя по мертвенной бледности лица, мучиться ему оставалось совсем недолго. Монах, наклонившись, что-то помешивал в чаше на столе. Когда мы вошли, он поднял голову. Это был тот самый молодой человек с лучистыми глазами, который служил секретарем или клириком у приора во время моего первого визита в монастырь. Он не проронил ни слова и продолжал заниматься своим делом, а Роджер повернулся к Джоанне, сидевшей в другом конце комнаты. Она сохраняла полное самообладание, никаких следов скорби на лице, и вышивала на пяльцах цветным шелком.

– Все здесь? – спросила она, не поднимая глаз от своей работы.

³ Принятое в Англии название пролива Ла-Манш.

– Все, кто был приглашен, – ответил управляющий, – и уже переругались друг с другом. Леди Феррерс сначала бранила детей за то, что они громко разговаривают, а сейчас сцепилась с сэром Отто; леди Карминоу, по-моему, не рада, что приехала. Сэр Джон еще не прибыл.

– И навряд ли прибудет, – ответила Джоанна. – Я предоставила это решать ему самому. Если он слишком поспешит со своими соболезнованиями, это может показаться подозрительным, – да его же сестрица, леди Феррерс, первая не преминет устроить из этого скандал.

– Уже устраивает, – заметил управляющий.

– Не сомневаюсь. Чем быстрее наступит конец, тем лучше для всех.

Роджер подошел к кровати и посмотрел на своего умирающего господина.

– Сколько еще осталось? – спросил он монаха.

– Он больше не очнется. Можешь до него дотронуться, если хочешь, он ничего не почувствует. Остается подождать только, чтобы остановилось сердце, и тогда госпожа сможет объявить всем о его смерти.

Роджер перевел взгляд с кровати на стол с чашами:

– Что ты ему дал?

– То же, что и раньше, – мак, сок цельного растения в равных пропорциях с беленой.

Роджер взглянул на Джоанну:

– Уберу-ка я лучше все это от греха подальше, а то могут возникнуть ненужные вопросы.

Леди Феррерс говорила о каком-то своем лекаре. Они, конечно, вряд ли посмеют идти против вашей воли, но мало ли что.

Джоанна, по-прежнему поглощенная вышиванием, пожала плечами.

– Если хочешь, заberi, что осталось, – сказала она, – хотя все настои мы уже вылили. Чаши можешь на всякий случай убрать, но я думаю, что брату Жану опасаться нечего. Он действовал с предельной осмотрительностью.

Она улыбнулась молодому монаху, который в ответ промолчал, только посмотрел на нее своими выразительными глазами, и я подумал, уж не снискал ли он, по примеру отсутствующего сэра Джона, ее особой благосклонности за те несколько недель, что провел у постели больного. Роджер и монах собрали посуду из-под зелья, хорошенько завернули ее в мешковину. Тем временем снизу, из зала, доносились голоса: по-видимому, миссис Феррерс оправилась после рыданий и вновь обрела красноречие.

– А что говорит мой братец Отто? – спросила Джоанна.

– Он промолчал, когда сэр Феррерс высказал мнение, что лучше похоронить Генри в семейной часовне Бодруганов, а не в монастыре. Мне кажется, он не будет вмешиваться. Сэр Уильям Феррерс предложил еще один вариант – похоронить его у себя в Бере.

– Зачем?

– Может быть, ради собственного престижа, кто его знает! Я бы не советовал соглашаться. Если они завладеют телом сэра Генри, хлопот не оберешься. В то время как монастырская часовня...

– Все будет хорошо. Воля сэра Генри будет исполнена, и нас оставят в покое. А ты, Роджер, проследи, чтобы не возникло никаких проблем с крестьянами. Люди здесь не слишком жалуют монастырь.

– Если их хорошо угостить на поминках, никаких проблем с ними не будет, – ответил он. – Можно пообещать уменьшить размеры штрафов в конце года, простить им прошлые провинности. И они будут довольны.

– Будем надеяться. – Она отложила пяльцы, поднялась со стула и подошла к постели. – Еще жив?

Монах взял в свою руку безжизненное запястье и нащупал пульс, затем наклонился, чтобы послушать, бьется ли сердце.

– Почти остановилось, – ответил он. – Если хотите, можете зажигать свечи – к тому времени, когда все семейство соберется, он уже скончается.

Они говорили о муже этой женщины, лежавшем на смертном одре, как о какой-то старой, уже никому не нужной вещи. Джоанна вернулась к своему стулу, взяла черную вуаль и покрыла ею голову и плечи. Затем протянула руку и взяла со стола серебряное зеркало.

– Как ты считаешь, оставить так или лицо тоже закрыть? – спросила она управляющего.

– Если вы не можете выжать из себя хоть одну слезу, – сказал он, – то лучше, конечно, закрыть.

– Последний раз я плакала, когда выходила замуж, – ответила она.

Монах Жан скрестил умирающему руки на груди и крепче затянул повязку под подбородком. Затем отступил на шаг, чтобы взглянуть на свою работу, и, словно нанося последний штрих, вложил ему в скрещенные руки распятие. Тем временем Роджер отодвигал стол.

– Сколько ставить свечей? – спросил он.

– В день смерти полагается пять, – ответил монах, – в память о пяти ранах Господа нашего Иисуса Христа. Найдется черное покрывало на постель?

– Там, в комод, – сказала Джоанна, и, пока монах с управляющим застилали постель черным покрывалом, она, прежде чем опустить на лицо вуаль, в последний раз взглянула на себя в зеркало.

– Осмелюсь дать совет, – пробормотал монах, – все выглядело бы трогательней, если бы госпожа соблаговолила опуститься на колени у постели, а я бы встал в ногах усопшего. И когда члены семьи войдут в опочивальню, я мог бы прочесть молитву по усопшему. Хотя, возможно, вы желаете, чтобы ее прочел приходский священник.

– Он слишком пьян – ему и по лестнице-то не подняться, – сказал Роджер. – Если только он попадется на глаза миссис Феррерс, песенка его будет спета.

– Тогда не трогайте его, – сказала Джоанна, – и давайте начинать. Роджер, спустись вниз и пригласи всех сюда. Первым пусть идет Уильям, как наследник.

Она опустила на колени у постели, скорбно склонив голову, но, когда мы выходили, вновь подняла ее, бросив через плечо своему управляющему:

– Когда умер наш отец, похороны в Бодругане обошлись брату в пятьдесят марок, не считая скота, забитого к поминкам. Мы не должны ударить в грязь лицом, так что денег не жалей!

Роджер отодвинул полог на дверях, и я вышел за ним на лестницу. Контраст между ярким светом на улице и мраком в доме, должно быть, поразил его не меньше, чем меня, так как он на миг приостановился на верхней ступени и посмотрел поверх каменной стены забора на сверкающую водную гладь залива. Корабль Бодругана стоял на якоре, паруса были убраны, какой-то парень в маленькой лодке крутился возле кормы, пытаясь, видимо, поймать рыбу. Юные члены семьи спустились к подножию холма и рассматривали судно. Генри, сын Бодругана, что-то показывал своему кузену Уильяму, вокруг них с лаем прыгали собаки.

В этот момент я особенно отчетливо осознал, насколько все это фантастично, я бы сказал даже, жутковато, – то, что я находился среди них, никем не видимый, еще не родившийся – некий выродок вне времени, свидетель событий многовековой давности, которые бесследно канули в Лету. Странное дело, стоя вот здесь, на этой лестнице, все видя, но сам невидимый, я чувствовал себя соучастником всего происходящего, искренне переживая чужие любовные страсти и кончины. Как будто это умирал мой близкий родственник из давно ушедшего мира моего детства или даже мой отец, который тоже умер весной, когда мне было приблизительно столько же, сколько юному Уильяму там, внизу. Телеграмма о том, что он погиб в бою с японцами, пришла в тот момент, когда мы с мамой, только что отобедав, вышли из ресторана гостиницы в Уэльсе, где жили во время пасхальных каникул. Мама поднялась вверх в свой номер

и заперла дверь, а я слонялся вокруг гостиницы и понимал, что случилось непоправимое, но не мог заплакать – боялся войти в гостиницу и поймать на себе участливый взгляд дежурной.

Роджер со свертком, в котором лежала посуда, еще хранившая следы от настоев трав, спустился во двор и прошел под аркой в дальнем его конце к конюшням. Здесь собралась, по-видимому, вся челядь, но при виде управляющего они тут же прекратили сплетничать и быстро разошлись. Остался только один паренек, которого я видел в первый день, и по его сходству с проводником еще тогда догадался, что это брат Роджера. Роджер кивком головы подозвал его к себе.

– Все кончено, – сказал он. – Поезжай сейчас же в монастырь и сообщи об этом приору, чтобы он распорядился звонить в колокол – пусть крестьяне прекращают работу, уходят с полей и собираются на лугу. Как только переговоришь с приором, сразу поезжай домой, спрячь этот мешок в подвале и дожидайся моего возвращения. У меня много дел. Возможно, я приеду только завтра.

Мальчик кивнул и исчез в конюшне. Роджер снова вернулся во двор. У входа в дом стоял Отто Бодруган. Немного поколебавшись, Роджер направился к нему.

– Моя госпожа просит подняться к ней, – сказал он. – И вас, и сэра Уильяма, и леди Феррерс, и леди Изольду. Я пойду кликну Уильяма и детей.

– Сэру Генри хуже? – спросил Бодруган.

– Он умер, сэр Отто. Всего несколько минут назад, не приходя в сознание, – почил тихо, во сне.

– Жаль его, – сказал Бодруган, – но хорошо хоть не мучился. Дай Бог, чтобы и мы с вами, когда пробьет наш час, ушли бы так же тихо, хотя, наверное, мы этого не заслуживаем.

Оба перекрестились. Машинально перекрестился и я.

– Пойду сообщу остальным, – добавил он. – У леди Феррерс может случиться истерика, но ничего не поделаешь. Как сестра?

– Сохраняет спокойствие, сэр Отто.

– Так я и предполагал. – Бодруган еще секунду помедлил, прежде чем войти в дом, и как-то неуверенно сказал: – Ты знаешь, что Уильям, поскольку он несовершеннолетний, лишен права пользоваться своими землями – они временно конфискуются в пользу короля?

– Да, сэр Бодруган, знаю.

– На этот раз конфискация не будет простой формальностью, как при обычных обстоятельствах, – продолжал Бодруган. – Поскольку я дядя Уильяма по матери и, соответственно, его законный опекун, меня должны были бы назначить управлять его поместьем, – при этом король, естественно, останется нашим сюзереном. Но все дело как раз в том, что обстоятельства необычные, ведь я принимал участие в так называемом бунте.

Управляющий благоразумно хранил молчание. Его лицо было непроницаемо.

– Поэтому, – продолжал Бодруган, – управление поместьем от имени несовершеннолетнего владельца и самого короля, скорее всего, будет поручено кому-нибудь более достойному, чем я, – по всей вероятности, его двоюродному дяде сэру Джону Карминоу. И я не сомневаюсь, что для моей сестры он все уладит наилучшим образом.

В его голосе звучала неприкрытая ирония. Роджер не произнес ни слова, лишь слегка склонил голову, а Бодруган вошел в дом. Довольная улыбка, появившаяся было на лице управляющего, мгновенно исчезла, как только юные Шампернуны и их кузен Генри вошли во двор, смеясь и болтая, на какое-то время забыв, что в дом стучится смерть. Генри, старший в этой компании, первым интуитивно почувствовал что-то неладное. Он велел малышам замолчать и подтолкнул Уильяма вперед. Я увидел, как изменилось лицо мальчика: от беззаботного смеха не осталось и следа, а в глазах – предчувствие чего-то ужасного. И я мог представить, как от страха у него подвело живот.

– Отец? – спросил он.

Роджер кивнул.

– Возьми брата и сестру, – сказал он, – и ступай к матери. Помни, ты теперь за старшего: она сейчас нуждается в твоей поддержке.

Мальчик сжал руку управляющего.

– Ты ведь останешься с нами, правда? – спросил он. – И дядя Отто тоже?

– Посмотрим, – ответил Роджер. – Но не забывай, ты теперь глава семьи.

Видно было, что Уильяму стоило большого труда взять себя в руки. Он повернулся к брату и сестре и сказал:

– Наш отец умер. Прошу следовать за мной.

И он вошел в дом – очень бледный, но с высоко поднятой головой. Перепуганные дети безропотно повиновались и, взяв за руки своего кузена Генри, молча пошли за Уильямом. Взглянув на Роджера, я впервые увидел на его лице что-то похожее на жалость и одновременно – гордость: мальчик, которого он, вероятно, знал с колыбели, достойно выдержал испытание. Он постоял немного и последовал за ними.

В зале никого не было. Занавес, висевший на противоположной стене у очага, был отогнут, открывая проход к узкой лестнице, ведущей в верхние покои, – видимо, по ней Отто Бодруган, Феррерсы и дети поднялись наверх. Я слышал звуки шагов наверху, затем все стихло, и послышался тихий голос монаха, бормотавшего молитву: «Requiem aeternam dona eis Domine: et lux perpetua luceat eis»⁴.

Я сказал, что в зале никого не было, – так мне показалось в первую минуту, но затем я различил изящную фигуру в лиловом: Изольда, единственная из всех, не поднялась наверх. Увидев ее, Роджер остановился на пороге, а затем с почтительным поклоном сделал шаг вперед.

– Леди Карминоу не желает отдать последнюю дань уважения покойному вместе со всей семьей? – спросил он.

Изольда не сразу заметила, что он стоит у входа, но, когда он заговорил, она повернула голову и посмотрела на него в упор. В ее глазах было столько холода, что даже я, стоя рядом с управляющим, почувствовал на себе все презрение, которое она вложила в этот взгляд.

– Не в моих правилах устраивать из смерти фарс, – сказала она.

Если Роджер и был удивлен, он не показал виду и с прежним почтением сказал:

– Сэр Генри был бы рад, если бы вы помолились за него.

– Я всегда молилась за него, много лет, – ответила она, – а в последние недели я делала это с особым усердием.

Я уловил оттенок раздражения в ее голосе, и, уверен, это не ускользнуло от управляющего.

– Сэр Генри заболел сразу же, как только вернулся из паломничества в Компостелу, – сказал он. – Говорят, сэр Ральф де Бопре сейчас страдает от того же недуга. Это изнурительная лихорадка, от которой нет спасения. Сэр Генри так мало беспокоился о своем здоровье, что ухаживать за ним было нелегко. Но, смею вас заверить, сделано все возможное.

– Насколько мне известно, никакой угрозы для жизни сэра Ральфа нет, несмотря на приступы лихорадки, – сказала Изольда. – Болезнь кузена была совсем иного свойства. Целый месяц или даже более того он никого не узнавал, хотя жара не было.

– Все переносят болезнь по-разному, – ответил Роджер. – Что на пользу одному, другому может повредить. Если у сэра Генри помутился разум, таков, значит, его печальный удел.

– Усиленный тем снадобьем, которое ему давали, – сказала она. – У моей бабки, Изольды де Кардингема, имелся трактат о травах, написанный одним ученым лекарем, который участвовал в Крестовых походах, и после своей смерти она завещала его мне, поскольку мы с ней были

⁴ «Вечный покой даруй им, Господи, и вечный свет пусть светит им» (лат.) – начальные слова католической заупокойной молитвы.

тезки. Так что я имею некоторое представление о семенах черного и белого мака, болотного болиголова и мандрагоры; я знаю, каким сном может уснуть человек, если его этим потчевать.

Роджер на миг забыл о всяком почтении и не сразу нашелся, что ответить. Затем он сказал:

– Эти травы используются всеми аптекарями для снятия боли. Монах Жан де Мераль учился в лучшей школе в Анже и достиг большого искусства в этой области. Сэр Генри чрезвычайно доверял ему.

– Я не сомневаюсь ни в доверительном отношении сэра Генри, ни в искусстве монаха, ни в его стремлении с пользой употребить свое искусство, но любое целебное растение может стать и зловредным, стоит лишь чуть увеличить дозу.

Она бросила вызов, и он это понял. Я вспомнил тот стол в изножье кровати и чаши, которые теперь тщательно завернуты в мешковину и увезены прочь.

– В доме траур, – сказал Роджер, – и он будет продолжаться несколько дней. Советую вам поговорить с моей госпожой. Меня все это не касается.

– Меня тоже, – ответила она. – Я это говорю только из любви к своему брату и еще – чтобы вы знали: меня не так просто одурачить. Запомните это.

Наверху заплакал кто-то из детей, и голоса, бормотавшие молитву, внезапно смолкли, послышалось какое-то движение и стремительные шаги по лестнице вниз. В комнату вбежала дочь хозяйки дома – лет десяти, не старше – и бросилась прямо в объятия Изольды.

– Они сказали, что он умер, – прорыдала она, – а он взял и открыл глаза и посмотрел на меня, всего один раз, и снова закрыл. Никто не видел, кроме меня, они все читали молитву. Неужели он хотел сказать, что я тоже должна пойти за ним в могилу?

Изольда прижала к себе ребенка и, не спуская глаз с Роджера, произнесла:

– Если сегодня или вчера свершилось злодеяние, ты ответишь за все вместе с остальными. Пусть не на этом свете – ведь мы ничего не сможем доказать, – так на том, перед Богом.

Роджер сделал шаг вперед – наверное, хотел заставить ее замолчать или забрать у нее ребенка, – а я рванулся вперед, чтобы помешать ему, но споткнулся о камень. И вдруг все исчезло, вокруг меня были лишь кучи земли, холмы, поросшие травой, кусты утесника и корни засохшего дерева. Позади себя я увидел огромную яму, круглую, как карьер, в которой валялись старые консервные банки и битый шифер. Я схватился за корявую ветку высохшего утесника – меня жутко рвало; издалека донесся гудок паровоза, который с грохотом проходил внизу, в долине.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Крутые стены карьера, вырытого в склоне холма, поросли остролистом и плющом, повсюду на земле между камнями валялся разный хлам, скопившийся здесь за многие годы. Из карьера тропа вела в небольшую впадину, затем в другую, в третью. Все вокруг было в кочках, рвах, ямах.

Утесник, распространившийся повсюду, основательно все это замаскировал, а поскольку у меня было страшное головокружение, я не видел, куда ступаю, и спотыкался на каждом шагу. В голове билась одна-единственная мысль: необходимо выбраться из этого проклятого места и найти машину.

Я ухватился за какое-то колючее растение и, держась за него, попытался хоть как-то восстановить равновесие: под ногами валялись старые консервные банки, сломанный остов от кровати, и кругом – все тот же плющ и остролист. Наконец я начал ощущать свои конечности, но, когда попробовал одолеть очередной бугор, головокружение и тошнота усилились, и я, поскользнувшись, съехал в яму. Я лежал там, тяжело дыша и корчась от приступов рвоты. Потом меня вывернуло, и на какой-то миг я почувствовал облегчение. Я встал и полез на другой бугор. С него я увидел, что нахожусь всего в нескольких сотнях ярдов от той изгороди, возле которой сидел и курил сигарету: все эти бугры и ямы были скрыты тогда от меня насыпью и сломанными воротами. Я снова посмотрел вниз, на долину, и увидел хвост исчезающего за поворотом поезда – он торопился в Пар. Затем я пролез сквозь дыру в ограде и побрел через поле к тому месту, где оставил машину.

Когда я подошел к стоянке у обочины дороги, у меня вновь началась сильная тошнота. Шатаясь, я отошел в сторону, к груде камней и досок, и меня снова вырвало. Земля и небо поплыли у меня перед глазами. Головокружение, от которого я страдал в первый день в патио, было ничто по сравнению с тем, что я испытывал сегодня, и, присев у груды мусора в ожидании, когда же наконец это пройдет, я все время повторял – с пылом и бессильной злобой больного, страдающего после тяжелого наркоза и потерявшего уже всякое самообладание: «Чтоб я еще раз... Никогда!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.